

Своя

октябрь 2019

журнал
Никиты Михалкова

**НЕ ТОЛЬКО
АНИСКИН:**
Вспоминаем
Михаила Жарова

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ГЕНДЕ-РОТЕ/ТАСС

**Гамлет
Михайловского замка**

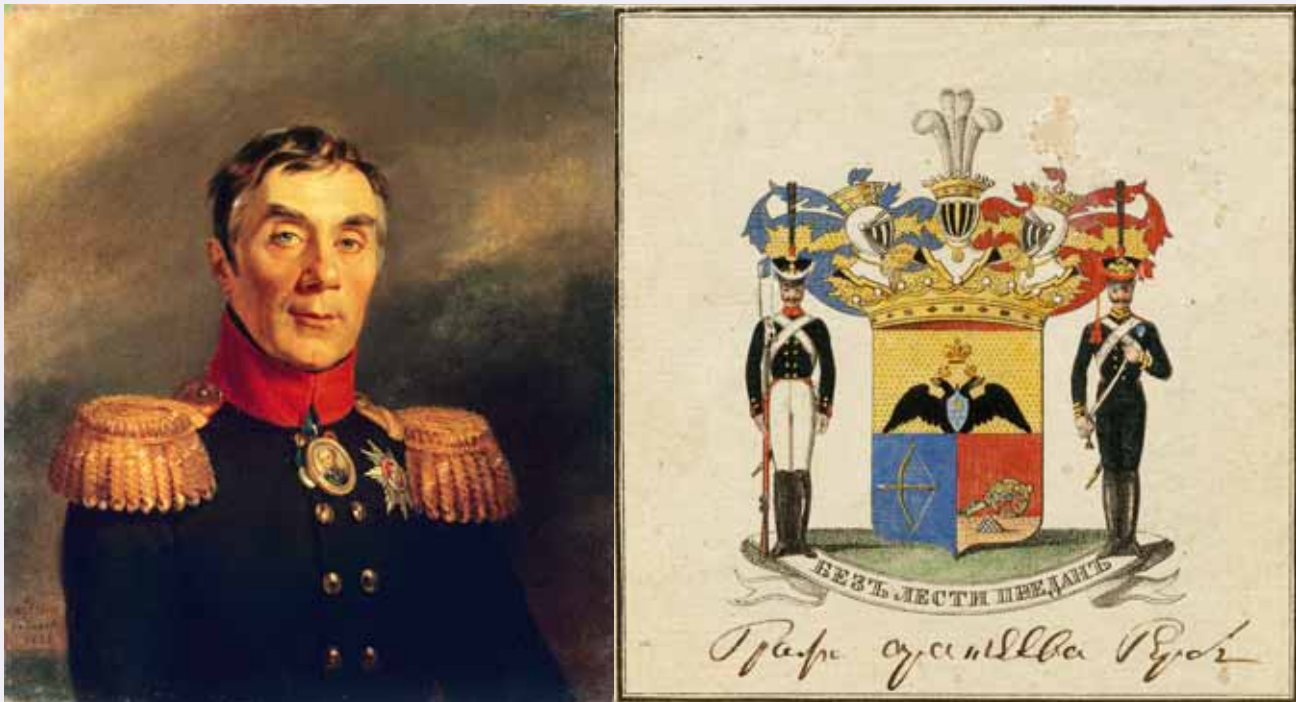
Павел I: трагедия
длиною в жизнь

**И город этот
славен будет**

Москва святыми
строилась

**Король
Лев**

Хороших вратарей
много, Яшин — один

Преданный без лести

В Государственном историческом музее до начала следующего года будет развернута уникальная выставка, посвященная выдающемуся российскому военному деятелю Алексею Аракчееву. Его долгая — с незначительными перерывами — служба прилась на годы царствования Павла I и Александра I, отличалась особенной преданностью России и ее императорам, отвагой и трудолюбием, добросовестностью и эффективностью.

Экспозиция призвана показать, что расхожие представления об этом человеке как об отрицательном персонаже национальной истории — следствие чрезмерной политизированности исследователей разных эпох, упрощенного и необъективного взгляда на события и феномены периода конца XVIII — начала XIX столетия.

На выставке — она носит название «Без лести предан» — представлены подлинные документы и вещи, связанные с жизнью Алексея Андреевича, богатый изобразительный материал, запечатлевший полностью утраченное в прошлом веке имение Аракчеева Грузино. Как сообщает официальный сайт ГИМа, все представленные экспонаты хранятся в собрании Государственного исторического музея, но впервые они собраны вместе.

ежемесячное приложение
к газете «Культура»

октябрь 2019

**ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА
ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА**

2	Слово издателя
С опорой на собственного зрителя	26–29	Наука побеждать
Испытаний устный летописец
Внимание! Говорит Левитан
3–7	Дом Романовых
Гамлет Михайловского замка	30–33	Русский авангард
Революционный «Вихрь»
Филипп Малявин в погоне за временем
8–12	Символ веры
И город этот славен будет	34–37	Столица и усадьбы
«Угол рая неподалеку от Москвы»
Дом, который построил Блок
13–17	Родное слово
Еще неведомый избранник
205 лет назад родился
Михаил Юрьевич Лермонтов	38–43	Стоп-кадр
Не только Анискин
18–21	Культурная эволюция
Иван Сытин: «Единственное
благо человека — быть грамотным»	44–47	Забавы молодецкие
Король Лев
22–25	Ретроспектива
Култ без личности
Кому Хрущев показал «кузькину мать»	48	Трапезная
Едим по-графски

Шеф-редактор: Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел распространения: +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (495) 662-7222

«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

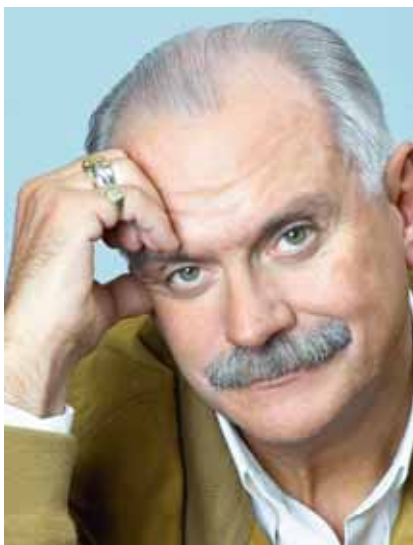
Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 06306/19

Тираж 40 155

Подписано в печать 16 сентября 2019 г.

С опорой на собственного зрителя

Разговоры о настоящем и будущем отечественной киноиндустрии нередко сводятся у нас к теме зависимости от Запада, к вопросу о том, надо ли культивировать в России зарубежные (прежде всего голливудские) идеи, технологии, практики? Ответ прост и даже банален. Нужно перенимать все полезное, отбрасывая за ненадобностью то, что плохо приживается в наших условиях.

В эпоху «железного занавеса» выдающиеся советские постановщики не гнушались использовать в своем творчестве наиболее эффективные приемы, методы заокеанских и западноевропейских мастеров, а в информационную эру было бы неразумно отказываться от апробированных в Голливуде электронных и прочих технологий. Однако нет необходимости слепо копировать у себя чужеродные ментальные установки, не свойственные русскому человеку манеры, стереотипы поведения. К примеру, московский или питерский страж порядка, выглядящий словно «коп» из Нью-Йорка (с характерными жестами, мимикой, широко расставленными ногами), особого сочувствия, сопереживания у пришедшей в кинотеатр публики, скорее всего, не вызовет, а попытки изобразить на экране «экшн по-американски» зачастую порождают у людей недоумение и раздражение.

Всегда следует помнить: в первую, во вторую и даже в десятую очередь Голливуд существует для того, чтобы покорять СВОЕГО зрителя — того, кто живет в США, кто при звуках национального гимна или при подъеме звездно-полосатого флага торжественно прикладывает, как говорят наши военные, «руку к пустой голове». И, смею полагать, именно этот принцип — ориентация на зрителя-соотечественника — помог отечественному кино выйти из тяжелейшего кризиса. Сегодняшнему российскому кинематографу, наверное, еще далековато до уровня советского, однако то, что период бескартинья-безвременья благополучно пройден, на мой взгляд, очевидно.

Когда наша «Студия ТРИТЭ» работала над такими лентами, как «Легенда №17», «Движение вверх», «Тренер» и некоторые другие, мы — продюсеры, режиссеры, сценаристы — конечно же, отдавали себе отчет в том, что на Западе эти фильмы не соберут большую кассу, не завоюют престижных фестивальных призов (сложные перипетии судеб и великие достижения русских спортсменов за рубежом мало кого волнуют). Зато они пользуются огромным успехом на Родине. Сравнительно недавно я имел удовольствие посмотреть великолепный комедийный сериал — «Домашний арест» по сценарию Семена Слепакова. Тогда же подумалось: разве можно передать этот замечательный юмор каким-то языком, кроме русского?..

Неудивительно, что спортивная драма и комедия — сегодня самые популярные, самые востребованные жанры отечественного кино. Другие, «отстающие», будем надеяться, тоже в скором времени «подтянутся».

В октябре, к юбилею Льва Ивановича Яшина, как нам обещано, выйдет на экраны художественная кинолента об этом легендарном вратаре. Ее создателям искренне желаю, чтобы зрители после просмотра уходили из кинозалов удовлетворенными и взволнованными. И чтобы в дальнейшем им хотелось увидеть картину снова и снова.

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name of the author or publisher, written in a cursive style.

Гамлет Михайловского

замка

С. ШУЖИН. «ПОРТРЕТ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I», 1797

В нашей истории XVIII века, возможно, не было более трагичной фигуры, чем этот язвительно-насмешливый рыцарь с замашками диктатора. И неизвестно, что на поверку горше — полная моральных травм и унижений молодость или гибель в зрелые годы в собственных, царских чертогах...

Евгений Тростин

Затворник и монарх

Он родился в Летнем дворце Елизаветы Петровны, в ее присутствии. Она, бездетная, сразу взяла младенца под свое крыло, отняв у родителей наследника престола Петра Федоровича и его супруги Фике, которая тогда и мечтать не могла о том, что будет прозвана в России Екатериной Великой. Старевшая императрица окружила внучатого племянника няньками и учителями. Мать могла видаться с сыном только по специальному разрешению. Со временем его главным наставником стал один из мудрейших политиков своего времени Никита Панин, имевший собственный взгляд на будущее державы.

Павлу еще не исполнилось и восьми лет, когда отца отстранили от власти. Подразумевалось, что, достигнув совершеннолетия, наследник станет императором, однако его мать оказалась настолько могучим политиком, что перспективу ее отрешения от трона никто всерьез не воспринимал — даже Панин, пытавшийся превратить воспитанника во влиятельную особу.

Историю родителя, Петра III, скрыть от него не смогли. Павел чтит его память и, подобно Гамлету, ненавидел мать-изменницу, а равно ее фаворитов-«клавдиев», прежде всего — братьев Орловых и Потемкина.

С отрочества его увлекали идеи рыцарства, особенно история Мальтийского ордена. Второе увлечение — Фридрих Великий и прусское устройство армии. Победы русских войск царевича не впечатляли: слишком велика была сила неприязни к Екатерине, он воспринимал ее эпоху исключительно в черном цвете.

Ему позволялось содержать собственный двор и личную армию в Гатчине, но Павел и сам прекрасно понимал, что это — «второй сорт».

Как и Петр Великий, Екатерина II не видела в сыне продолжателя дел своих. Они враждовали. Придворные сплетники вполголоса называли его незаконнорожденным, намекая на предполагаемого отца, любовника Фике Сергея Салтыкова. Сама же царица замечала в молодом человеке повадки ненавистного мужа.

ФОТО: ВЛАДИМИР ВЯКИН/РИА.НОВОСТИ

Ф. РОКОТОВ. «ПОРТРЕТ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА В ДЕТСТВЕ», 1761

Увы, Павел не унаследовал от нее основательность характера. В душе всю жизнь оставался порывистым юнцом, от которого трудно ожидать взвешенных решений. Однажды, получив депеши из революционного Парижа, воскликнул: «Глупцы! Я бы давно все прекратил пушками!» Екатерина, едва сдерживая раздражение, довольно резко возразила: «Ты — кровожадный дурак! Неужели ты не понимаешь, что пушки не могут воевать с идеями?»

Императрица подумывала о том, чтобы объявить наследником своего любимца и внука Александра. По некоторым свидетельствам, на сей счет был даже составлен секретный манифест. Мнительный Павел об этом догадывался. Правда, после смерти великой императрицы тайные поверенные в ее дела испугались смуты и уничтожили опасный документ. Затворник стал монархом.

Когда Екатерина умерла, ему шел сорок третий год, возраст по тем временам — весьма почтенный. Морщинистый, осипший от простуд, он и выглядел немолодо, и уже было разуверился в том, что когда-нибудь займет престол.

Максималист на троне

Его царствование началось с торжественного перезахоронения Петра III. Прах из Александро-Невской лавры перенесли в Петропавловский собор, при этом была проведена церемония, символизировавшая коронацию погибшего почти 35 лет назад государя. Да, это был спектакль в шекспировском духе. По настоянию нового самодержца корону его отца нес один из убийц, поблдевший от ужаса Алексей Орлов. Павел насла-

ждался мстью. Пытался стереть подчистую память о Екатерине и ее правлении, а собственное — начать с чистого листа.

Из мстительной ненависти к Потемкину вернул в армию прусские булки, косы и муштру, зароптавших офицеров уволил. В опалу угодил и Александр Суворов, прямо заявивший о новых порядках: «Русские прусских всегда бивали — чего же тут перенять?» Зато именно при Павле Петровиче военнослужащие получили шинели вместо епанчей, и это полезное для зимнего времени нововведение прижилось, кажется, навсегда. Преданный генерал Алексей Аракчеев занялся переустройством артиллерии. И еще один важный нюанс: избалованная гвардия в павловские времена вновь стала боевым подразделением, хотя далеко не всем гвардейцам такое пришлось по душе.

Многолетнее пребывание в унижительном положении исковеркало характер, император одинаково бесцеремонно и гневно держался с лакеями, вельможами, собственными сыновьями. Оказался слишком наивен для дипломатии и чересчур заносчив для дружеских отношений. К своему статусу относился самонадеянно, как многие средневековые властители. Известно его запальчивое кредо: «В России нет значительного человека, кроме того, с кем я говорю, и только до тех пор, пока я с ним говорю». На излете века просвещения мало кто в Петербурге мог мириться с такой политической программой.

Для своих подданных Павел хотел стать добрым и справедливым отцом. На стене Зимнего дворца был установлен ящик для прошений на высочайшее имя. Император читал эти бесконечные жалобы — на чиновников, соседей, помещиков, офицеров, воров-купцов... Жестокий по отношению к аристократам, он проявлял милосердие к крепостным крестьянам. В ответ на их просьбы издал манифест, в котором запрещал помещикам требовать более трех дней барщины в неделю. Немногие из крепостников подчинились этому повелению, а создать систему контроля за исполнением собственных указов царь не сумел. Или не успел. И тем не менее гуманные устремления очевидны, не заметить их было бы несправедливо.

Собственным принципам и прихотям Павел старался следовать неукоснительно. Его максимализм запечатлен в десятках мемуаров и анекдотов. Так, рассказывали, что однажды на посту возле Адмиралтейства самодержец заметил, что от караульного разит спиртным. Последовал приказ взять под арест нарушителя, но тот мгновенно парировал: «Согласно уставу, прежде чем арестовать, вы должны сменить меня с поста». «Он пьяный лучше нас трезвых свое дело знает», — таков был вывод Павла I. И хмельного офицера повысили в звании. Неумный нрав императора нашел отражение в другой истории, которую пересказывали на разные лады с добавлением фантастических подробностей.

Г. фон Котельген. «Император Павел I с семьей». 1800. Государственный музей-заповедник «Павловск»

Как-то раз на параде он остался недоволен воинской выучкой одного из полков, перед строем громко отчитал командира и бросил в раздражении: «Полк ни на что не годен, в Сибирь бы его отправить».

Решивший проявить находчивость полковник отдал приказ: «Полк, в Сибирь шагом марш!» Бравые молодцы промаршировали мимо царя куда-то на восток. Естественно, в тот же день их вернули на место дислокации, а остроумная выходка так сгладила монарший гнев. Между тем в пересказах эта история превратилась в очередной сюжет о причудах полубезумного деспота: дескать, полк так и шагал в сторону Тобольска, пока Павла Петровича не убили.

За все берется круто, строго

Гаврила Державин знал его много лет. Поэт был женат на дочери кормилицы будущего императора и не раз посещал Павла еще в екатерининские времена, видел и достоинства, и слабости коронованного рыцаря:

*В нем воли доброй, мудрой много;
Остер в решениях, легок,
За все берется круто, строго;
Все б сделал вдруг, коль был бы бог.*

И все же так императорская мантия пришлась ему не по росту. Недруги окрестили государя самодуром (вспыльчивость и впрямь не к лицу властителю), при этом у него была ранимая душа, что видно и по его портретам. Художник Степан Щукин изобразил императора в полный рост: вот он стоит в треуголке, с Ан-

дреевской лентой через плечо, горделиво опирается на трость. Триумфатор? В облике монарха сквозит неуверенность, видна скованность, как будто он надел мундир с чужого плеча, словно хочет выглядеть более рослым и значительным, нежели в реальности. Может быть, это и есть печать трагедии...

Карал и миловал Павел без разбора, хотя масштабы репрессий «нового Калигулы» его противники сильно преувеличивали. Как бы там ни было, масоны, которых Екатерина третировала нещадно, при нем получили относительную свободу. Известный вольный каменщик, зодчий Василий Баженов строил по его заказу Михайловский (Инженерный) замок, напичканный узнаваемой символикой. Этот архитектурный шедевр проникнут мрачной романтикой — как будто автор предвидел судьбу заказчика.

Он всячески помогал госпитальерам, мальтийским рыцарям, и даже согласился принять сан их великого магистра, не смущаясь тем, что они, католики, подчинялись римскому папе. К своему титулу повелел добавить слова «Великий Магистр Ордена Святого Иоанна Иерусалимского». Мальта на некоторое время даже формально вошла в состав России, а высшей наградой империи стал, несмотря на его католическую суть, орден Иоанна Иерусалимского. Павел вознамерился спасти остров от оккупировавших Мальту «безбожных галлов».

Самые славные страницы правления связаны с суворовскими походами, Итальянским и Швейцарским.

ПРАВОРА СУБИЙСТВО ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I, 1880-Е

Наши чудо-богатыри били французскую армию, по праву считавшуюся лучшей в Европе. Однако в октябре 1799 года недовольный действиями союзников, австрийцев и англичан, русский самодержец перевернул внешнюю политику с ног на голову и чуть было не заключил союз с Бонапартом. Такой переменчивости судьба не прощает.

«Вы перестали царствовать»

Заговор против него давно назревал. Идея смещения «сумасброда» все сильнее овладевала умами. Организатором переворота стал генерал-губернатор Петербурга граф Петр Пален. Подвергнувшийся опале многих преданных соратников Павел полностью ему доверял, считал его опорой.

В последние годы у нас вошли в моду многозначительные намеки на «английский след» в том деле. Это пустое. Да, российско-британские отношения под конец правления Павла I обострились, и Лондон рукоплескал заговорщикам. Но не следует демонизировать англичан, преувеличивать их силу. Куда существеннее иное: у императора к тому моменту не осталось сторонников ни в российской верхушке, ни в собственной семье (по крайней мере, в ее мужской части). После многолетнего гатчинского плена он подсознательно боялся одиночества и в то же время стремился к нему.

Знал ли о заговоре сын и наследник Александр? Патентованный циник граф Пален по этому поводу вывел: «Он знал — и не хотел знать». То есть остался в стороне, а потом воспользовался ситуацией.

12 (24) марта 1801 года, в начале первого ночи, хмельная ватага гвардейцев и сановников двинулась по коридорам Михайловского замка. Подобно Бруту и Кассию, они считали убийство тирана благим делом. Возле царских покоев оглушили часовых, выставили свои посты во всех помещениях, куда мог убежать Павел. А он спрятался в спальне, и заговорщики без труда его обнаружили. Несчастный монарх услышал: «Вы перестали царствовать. Вы арестованы».

Последовал разговор на повышенных тонах с последним фаворитом матушки Екатерины Платоном Зубовым и его старшим братом, зятем покойного Суворова Николаем. Помня о судьбе отца, Павел Петрович отказался подписывать отречение. В роковые минуты держался мужественно, с достоинством, по-рыцарски.

Во время перебранки богатырь высоченного роста Зубов-старший ударил государя табакеркой, и это послужило сигналом, по которому «князь Яшвиль, Тараринов, Горданов и Скарятин яростно бросились на него, вырвали из его рук шпагу; началась с ним отчаянная борьба, Павел был крепок и силен; его повалили на пол, били, топтали ногами, шпажным эфесом проломили ему голову и, наконец, задавили шарфом Скарятина». Это цитата из записок генерала Михаила Фонвизина, тщательно собиравшего свидетельства соучастников преступления.

Около двух пополуночи Павел был мертв. Лейб-медик Вилье применил все свое искусство, чтобы загримировать изуродованное тело, но скрыть следы побоев не удалось.

В высшем свете мало кто нашел силы скрыть ликование. Для многих эта гибель стала праздником. Во всех богатых домах и в гвардейских казармах откупоривались бутылки шампанского и токайского. Державин приветствовал нового царя стихами со странным прологом: «Умолк рев Норда сиповатый, закрылся грозный, страшный взгляд». Как ни отнекивался поэт, все поняли, о ком шла речь.

Подданным объявили: император скончался от апоплексического удара. Но тайна Михайловского замка не была секретом для европейских дипломатов.

Кто искренне оплакивал императора, так это солдаты. Они видели в нем управу на жестокосердных офицеров, помнили, что при Павле в казармах установили печи, спасшие многих рекрутов от обморожения.

Несколько десятилетий Романовы избегали Михайловского замка. Там расположилось Главное инженерное училище, отсюда и второе название дворца. Несколько десятилетий спустя потомки стали осознавать трагедию Павла. По замыслу Александра II, в 1858 году в царской опочивальне (где русский Гамлет был предан смерти) открыли домовую Петропавловскую церковь. Не особо набожный внук каждый год Великим Постом приезжал в этот храм на богослужение.

Без свиты, в гордом одиночестве...

Символ веры

Ф. АЛЕКСЕЕВ. «МОСКВА. ВИД ОТ ЛУБЯНСКОЙ ПЛОЩАДИ НА ВЛАДИМИРСКИЕ ВОРОТА КИТАЙ-ГОРОДА». 1800-Е

И город этот славен будет

Андрей Самохин

Сонмы праведников, исповедников, мучеников, в земле Русской просиявших, в нашей церковной традиции принято — для одновременного прославления — объединять в соборы: Киево-Печерских, Костромских, Рязанских, Карельских святых... Особое место в этом длинном ряду занимают московские святители — митрополиты и патриархи, чьи молитвы, благодеяния и подвиги послужили духовными вехами-этапами в созидании самой России.

ОТМЕЧАЕМЫЙ 18 октября праздник Собора святителей московских и всея Руси чудотворцев установил в конце XVI века патриарх Иов — в честь своих предшественников, православных иерархов Петра, Алексия и Ионы.

Что это были за пастыри, почему знать их имена, а равно основные свершения важно не только воцерковленным, но и просто уважающим родную историю русским людям?

Ответ непосредственно связан с другим вопросом, тоже имеющим отношение к историографии: а отчего именно Москва стала центром собирания русских земель и новой столицей

великой державы? Николай Карамзин на сей счет писал: «Сделалось чудо. Городок, едва известный до XIV века... возвысил главу и спас отечество». Объясняли феномен по-разному: и крайне выгодным географическим расположением, и дальновидной политикой московских князей. Однако аргументы будут неполными без упоминания краеугольного камня, положенного в основание Третьего Рима. В Успенском соборе Кремля есть гробница митрополита Петра. Когда-то историк Сергей Соловьев засвидетельствовал: «Гроб святого мужа был для Москвы так же драгоценен, как и пребывание живого святителя».

Свт. Петр, призывая Ивана Калиту воздвигнуть большую каменную церковь в честь Богоматери, предрекал ему: «Если меня, сын, послушаешься, храм Пречистой Богородицы построишь, и меня упокоишь в своем городе, то и сам прославишься больше других князей, и сыновья и внуки твои и город этот славен будет, святители станут в нем жить, и подчинит он себе все остальные города».

Этот владыка стал, говоря образно, мостиком, соединившим старую, разоренную Батыем, попавшую под иноземное владычество Киевскую Русь и новую, Владимиро-Суздальскую, сделавшуюся со временем Великим княжеством Московским, а позже — Россией.

Родился подвижник во второй половине XIII века на Вольни. В бытность игуменом монастыря на реке Рате он подарил написанный им образ Успения Богородицы посетившему обитель митрополиту Киевскому Максиму. Икона и ее автор поразили гостя своей духовной силой. Вскоре ратский настоятель оказался в центре сложной политической интриги. С одной стороны, ее затеял галицкий князь Юрий Львович, направивший Петра в Константинополь с тем, чтобы его рукоположили в «особливого» митрополита. К тому времени переселившийся во Владимир митрополит

Максим умер, и тверской князь Михаил Ярославич тоже послал в Царьград своего протеже игумена Геронтия в надежде на то, что он станет главой Русской митрополии.

Вероятно, именно тогда Тверь уступила будущее первенство Москве. И произошло это, согласно преданию, не в жестоком бою, не в богатом ханском шатре, а в тесной корабельной каюте. Во время шторма по пути в столицу Византии Геронтию явилась Богородица и предупредила, что святительский сан достанется не ему, а написавшему Ее образ ратскому игумену. Так и вышло: патриарх Константинопольский Афанасий I рукоположил в митрополита Киевского и всея Руси Петра.

После него все предстоятели нашей церкви жили в Москве — по просьбе Ивана Калиты святитель перенес сюда митрополичью кафедру из Владимира. Тело умершего в 1326 году владыки оказалось нетленным, а рака с его мощами прославилась множеством чудес. Во время иноземных нашествий на Первопрестольную ее убранство неоднократно разграблялось. Но даже большевики не решились вынести мощи из собора. Может быть, кто-то из них слышал о предсмертном пророчестве свт. Петра: «Быть Москве до тех пор, пока стоит Успенский собор, и мои кости в нем положены будут».

Продолжателем его дела стал митрополит Алексий. Сын знатного боярина, он еще в отроческие годы (задремав на поляне во время ловли птиц) услышал донесшийся свыше глас: «Человеков будешь улавлять». Позже, став духовным отцом, воспитателем великого князя Дмитрия Донского и другом преподобного Сергея Радонежского, всю жизнь посвятил собиранию Святой Руси вокруг Москвы.

Назначенному в 1354 году на московскую кафедру свт. Алексею выпала многотрудная миссия: мирить честолюбивых князей, начинать строительство первых каменных стен Кремля, вести сложнейшую международную дипломатию. Владыка сумел пресечь в Константинополе опасный замысел литовского князя Ольгерда, стремившегося подмять под себя русские приходы. Но самым, пожалуй, известным подвигом чудотворца Алексея явилась одна из поездок в Золотую Орду в 1357-м. Прослышавший о высоких духовных качествах «главного попа московского» хан Джанибек затребовал его в Сарай, дабы он исцелил ослепшую мать Тайдулу. Неудача грозила не только смертью врачуемателю, но и новым нашествием на Русь. Окропленная святой водой слепая действительно прозрела по молитвам святителя, а Москва получила десятилетия передышки. Благодаря авторитету свт. Алексея возникла практика скрепления митрополичьей печатью межгосударственных соглашений.

Следующий из этой прославленной чреды, митрополит Иона, возглавил кафедру в тяжелое для страны и церкви время. Прежде назначенный митрополитом

СИМВОЛ ВЕРЫ

Киевским и всея Руси грек Исидор обманул великого князя Московского Василия II: отправился от его имени на Ферраро-Флорентийский собор якобы для отстаивания православных позиций, однако признал верховную власть папы и получил из рук понтифика кардинальскую шапку. Поскольку все это происходило с ведома Константинопольского патриарха, произошел фактический разрыв Русской церкви с праматерью — ведь последняя оказалась вероотступницей. Духовенство низложило Исидора и установило новый порядок избрания митрополитов: Собором русских епископов с согласия московского князя. Наша церковь стала, по сути, автокефальной, что после падения Византийской империи превратилось в окончательный и бесповоротный факт.

Претерпевший немало испытаний на своем веку святитель Иона также остался в истории чудотворцем. В середине XV столетия, когда напавшая на Москву ногайская орда подожгла предместье, он в едком дыму, посреди языков пламени прошел с крестным ходом по кремлевским стенам. И внезапно ветер, гнавший огонь на Белокаменную, утих.

Митрополит Макарий (ок. 1482–1563) прославился организацией общежительных монастырей и строительством храмов, инициативами повсеместного иконописания и канонизацией многих русских святых, созывом Стоглавого собора и созданием первой типографии для печатания священных книг... Этот владыка оставил яркий след и в политической жизни страны, начав свое служение при Василии III, а завершив при Иване Грозном. Последнего свт. Макарий впервые по особому чину венчал на царство — не как великого князя, но как православного царя. Митрополит входил в Избранную раду, ближний круг советников и помощников молодого государя. В 1552 году благословил поход на Казанское ханство, в 1563-м предсказал взятие Полоцка. Провидел предстоявшие по своей кончине бедствия Руси от опричнины: «Грядет нечестие, и кровоизлияние, и разделение земли».

Его духовный наследник на кафедре, митрополит Филипп из рода знатных бояр Колычевых, стал первым мучеником на этом посту. Тема взаимоотношений святителя с Иваном Грозным, несмотря на каноническое житие и почти единодушные писания большин-

«СВ. ПЕТР, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ»

«СВ. АЛЕКСИЙ, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ»

«СВ. МАКАРИЙ, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ»

ства историков, плохо прояснена и, по-видимому, ждет еще своих исследователей. Призванный царем из Соловецкого монастыря свт. Филипп долго отказывался от высокой чести из-за резкого (по расхожей версии) неприятия опричнины и антибоярского террора. Дав согласие, какое-то время не вмешивался в политику, но не выдержал и начал обличать само-

держца в душегубстве и кощунстве. Разгневанный царь низвел его с кафедры, для чего устроил судебный собор, на котором нашлись лжесвидетели из архиереев. Те обвинили владыку во многих грехах, включая колдовство. Его, сосланного в Тверской Отроч монастырь, зачем-то задушил (опять же согласно официальной историографии) посланный туда Малюта Скуратов. Критики указывают на очевидные нестыковки в житии. Особенно это касается обстоятельств осуждения и смерти святителя. По альтернативной версии, митрополит Филипп был оболган влиятельной церковной партией завистников, скорее всего, причастных и к его мученическому концу.

Все московские святители, вошедшие в соборный перечень, оказали заметное влияние на развитие и укрепление нашего государства, державы, основанной святым князем Владимиром в Киеве и, по сути, возрожденной свт. Петром в Москве.

Открывший список патриархов Русской церкви свт. Иов был одним из тех священнослужителей, кто не поддавался уговорам Лжедмитрия I, не изменил присяге,

«СВ. ФИЛИПП, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ»,
ОДНО ИЗ КЛЕЙМ ЖИТИЙНОЙ ИКОНЫ

данной царю Борису Годунову, до последнего защищал его семью от расправы. В 1605 году, рискуя головой, анафематствовал самозванца. Подвергнутый гонениям, умер в ссылке в Старицком Успенском монастыре.

Его преемнику патриарху Гермогену выпала доля стать мучеником. В Смутное время он, уже в преклонных годах, мужественно противостоял польским захватчикам и боярам, которые к ним переметнулись. От него требовали благословить призвание на русский престол королевича Владислава, запретить движение на Москву народного ополчения во главе с Мининым и Пожарским. Характерно, что один из главных предателей боярин Михаил Салтыков укорял святителя в якобы неподобающем для духовного лица вмешательстве в государственные дела. Ответ предстоятеля сохранили летописи: «Если ты, все изменники и поляки выйдете из Москвы вон, я отпишу к своим, чтобы вернулись. Если же вы останетесь, то всех благословляю помереть за православную веру». Грамоты, рассылаемые из Кремля, сыграли огромную роль в изгнании интервентов, в преодолении Смуты. Сам же Гермоген был умерен голодом в заточении, в келье Чудова монастыря.

Еще один святитель Московский, митрополит Филарет (Дроздов), спустя два века отстаивал права церкви перед государством, вступал в открытые пререкания с обмирщенными обер-прокурорами Синода. И вместе с тем усилиями этого владыки впервые было переведено на современный русский язык Евангелие. Он же вывел формулу на все времена, снимающую мнимое противоречие между христианством и патриотизмом: «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша».

Его учеником стал митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов), которого за героические труды по православному просвещению коренных народов дальних рубежей империи, включая Аляску, называли «апостолом Америки и Сибири». Святитель не только плавал на алеутских байдарках по бурным, студеным водам и собственноручно строил церкви, но и был ближайшим сподвижником генерал-губернатора Восточной Сибири графа Николая Муравьева-Амурского, выступал как сооснователь Благовещенска. И все это являлось продолжением изначального духовно-дер-

жавного вектора Москвы, устремленного далеко на Восток, вплоть до Тихого океана.

Следующий из Собора, святитель Макарий (Парвицкий), звался при жизни «апостолом Алтая». Подвижник и молитвенник, он на заре XX века предвидел страшное будущее: «Не хотите вы своей Русской власти, так будет же у вас власть иноплеменная». Когда же беда — в виде февральского переворота — нагрянула, оказался едва ли не единственным из архиереев, оставшихся верными государю, отвергнул синодальную присягу Временному правительству. В ответ обер-про-

П. ПЕЛЛЕР «ПАТРИАРХ ГЕРМОГЕН ОТКАЗЫВАЕТСЯ ПОДПИСЫВАТЬ
ГРАМОТУ О РОСПУСКЕ ОПОЛЧЕНИЯ»

курор, масон Владимир Львов лишил его московской кафедры. Сосланный в Николо-Угreshский монастырь владыка оттуда через верных людей пытался организовать спасение арестованной царской семьи.

Первый после более чем двухвекового перерыва патриарх — Тихон (Беллавин) — сыграл выдающуюся роль в деле сохранения православной церкви, гонимой, но не принявшей гибельных «живоцерковных» реформ. Между Сциллой и Харибдой прошел этот великий пастырь: предав анафеме революционных боготорцев, избежал искушения благословить и духовно возглавить Белое движение, не отбыл за границу. Согласившись на горькие компромиссы с новой властью, свою миссию свт. Тихон определил со смиренным мужеством: «Пусть погибнет имя мое в истории, лишь бы Церкви была польза». Он пережил невиданное давление, травлю в газетах, суды и ночные допросы с угрозами, несколько покушений.

Митрополит Крутицкий Петр (Полянский) был его верным учеником, исполнял обязанности местоблестителя опустевшего патриаршего престола более десяти лет. Пройдя тюрьмы, ссылки, моральные и физические истязания, не отрекся ни от веры, ни от сана и был расстрелян в Магнитогорске в 1937 году...

Именно эта роль — хранителей глубинной сути России и Москвы как ее сердца — позволяет нам говорить об их общей, единой, соборной святости.

Святитель и поэт

Митрополит Филарет (Дроздов)

А.С. Пушкин. Неизвестный художник. 1831

В 1830 году в двенадцатом номере «Литературной газеты» был опубликован чрезвычайно любопытный для нескольких поколений историков пушкинский стих:

*В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.
Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.
И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.
Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.*

В первоначальном, доцензурном варианте последнее четверостишие звучало несколько иначе:

*Твоим огнем душа согрета
Отвергла блеск земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт.*

Посвященное митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету (Дроздову) стихотворение подводило черту под недолгой, но очень важной для обоих перепиской. Эта история началась с того, что святитель примерно в то же время, в начале 1830-го, познакомился с коротким грустно-философским произведением Пушкина «На день рождения»:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

Владыку, судя по всему, эти строки глубоко взволновали, он увидел в них не столько итог обычной для великого писателя и мыслителя рефлексии, сколько выражение безысходности, этакий отчаянный вызов небесам. Реакция его высокопреосвященства была незамедлительной. Че-

рез их общую знакомую Елизавету Хитрово (дочь прославленного фельдмаршала Кутузова) архиерей передал Александру Сергеевичу собственноручно написанное сочинение:

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.
Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум —
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум!*

Оригинал митрополичьего ответа не сохранился, во второй половине XIX столетия он ходил по рукам в нескольких списках. Добросовестные исследователи единодушно в одном: «псевдопалинодия Филарета» (то есть стихотворение, написанное как бы от лица Пушкина и декларирующее решительный отказ от прежних взглядов-настроений) была написана удивительно талантливо, недаром поэт внимал «арфе серафима в священном ужасе».

М. ЛЕРМОНТОВ. «ПЕРЕСТРЕЛКА В ГОРАХ ДАГЕСТАНА». 1840–1841

ФОТО: МИХАИЛ ФИЛИМОНОВ/РИА НОВОСТИ

Еще неведомый избранник

В сложившемся к концу XIX столетия национальном пантеоне литературных божеств его место было по правую руку от Пушкина. Вольнодумному Лермонтову стали ставить памятники в России еще тогда, когда подобной чести из поэтов-писателей удостоились не просто единицы — пальцев одной руки довольно, чтобы перечесть.

Евгений Тростин

«Москва — моя родина»

Человек, учивший нас страдать, как гордец Печорин, и все прощать, как добрая душа Максим Максимыч, родился в большом дворянском доме неподалеку от Красных ворот.

В те времена наши аристократы любили придумывать себе рыцарственных предков-иностранцев. История шотландского прародителя Лермонтовых выглядит вполне достоверно. Джордж Лермонт служил польскому королю и в 1613 году попал в плен к князю Дмитрию Пожарскому. В числе нескольких родовитых «немцев» он принял православие и поступил на службу к царю Михаилу Федоровичу. Среди предков поэта по материнской линии — Арсеньевы и Столыпины, аристократические династии, исправно поставлявшие царскому двору воинов и дипломатов.

Лермонтов не помнил свою мать: та умерла от чахотки, когда ему не было и трех лет. Властная бабушка Елизавета Алексеевна не допускала отца к воспитанию обожаемого Мишеньки. Старосветская барыня не скупилась ни на педагогов, ни на лекарей, ни на дальние путешествия.

Лермонтов — истинный москвич, не скрывавший ревности к Петербургу. «Москва — моя родина, и такую будет для меня всегда: там я родился, там много страдал и там же был слишком счастлив», — никто ни до него, ни после не писал о Белокаменной с такой любовью и таким восхищением, как наш гениальный скептик.

«Москва, Москва!.. люблю тебя как сын...» (вспомнить как минимум одну следующую строчку способен, наверное, каждый), — это из поэмы «Сашка», вообще-то весьма желчной.

Лермонтовский «демонизм» неизменно рассеивался, стоило ему только вспомнить о 1812 году. Рано обнаруженная одаренность и преждевременное взросление сочетались у него с даром предвидения. В детские годы он будто воочию видел картины сражений, которые предстояли. «Бабушкин внук» туго сходил с ровесниками. «Его товарищи не любили, и он ко многим приставал», — сообщает по этому поводу бесстрастный мемуарист.

Неподалеку от Кремля располагался и Благородный пансион — альма-матер Лермонтова. Там его учителем стал Алексей Мерзляков, одышливый, крепко пьющий пиит и ритор еще

Д. СТРУЖОВ. «ВИД КРАСНЫХ ВОРОТ И ЦЕРКВИ ТРЕХ СВЯТЫТЕЛЕЙ»

К. ГОРБУНОВ. «ПОРТРЕТ МЮ. ЛЕРМОНТОВА В СЮРТУКЕ ОФИЦЕРА
ТЕНГИНСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА», 1841

ФОТО: МИХАИЛ ФИЛИМОНОВ/РИА НОВОСТИ

екатерининской закалки. Тот был несколько консервативен, проповедовал каноны классицизма, но пьянел не только от рома, но и от поэзии, а лекции читал воодушевленно, с импровизациями. Алексея Федоровича будущий классик видал не только на кафедре. Профессор занимался с ним персонально, приезжал на Поварскую, затем — на Малую Молчановку. В ту пору проявился упрямый и гордый лермонтовский нрав. Однажды Мерзляков чересчур темпераментно обрушился на пушкинский «Зимний вечер», ученик не стал отмалчиваться, затеял спор чуть ли не на повышенных тонах.

Много лет спустя, когда за дерзновенные стихи гениальный сочинитель изведает царскую опалу, бабушка посетует: «И зачем это я на беду свою еще брала Мерзлякова, чтоб учить Мишу литературе? Вот до чего он довел его».

Лермонтов и впрямь начал писать в пансионе, под влиянием лекций литератора-педагога, а главным образом — на волне поэзии Байрона и Пушкина. Вышли из-под пера в основном подражания, еще несколько неуклюжие, но и первые эскизы «Демона» он написал подростком. Есть в его юношеских записях и такой замысел: «Написать записки молодого монаха: 17 лет. С детства он в монастыре, кроме священных, книг не читал... Страстная душа томится. Идеалы», — первые заметки поэмы «Мицыри». А будучи шестнадцатилетним, Лермонтов сочинил:

*По небу полночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.*

Это — совершенное лермонтовское стихотворение, проникновенная молитва. К юношеской мелодии, к тому светлому раздумью он вернется в свое последнее лето, когда в его тетради появится взволнованный монолог: «Выхожу один я на дорогу...» В подобных просветах среди непроглядного разочарования — одна из тайн нашего классика.

Отдохнешь и ты

Его считали самовлюбленным эгоцентриком, однако он вечно был недоволен написанным. Из закадычных друзей русской музыки, пожалуй, только Лермонтов поразительно мало публиковался, проявлял полное равнодушие к славе. При жизни вышел лишь один небольшой сборник стихотворений и поэм, да еще «Герой нашего времени» стал заметной публикацией в «Отечественных записках». Надежных связей в литературном мире у него не было.

С Пушкиным знакомство не состоялось, встретиться не довелось. Гневное послание «На смерть поэта» в 1837-м принесло известность, хотя к тому времени Михаил Юрьевич написал немало шедевров. Как бы там ни было, с тех пор имена двух поэтов в истории русской литературы близко соседствуют, и Лермонтов неизбежно воспринимается как продолжатель, преемник.

Один дал русским читателям представление о гармонии. Второй учился у первого певучей легкости стиха и в то же время искал собственную интонацию, нервную, колючую:

*В толпе друг друга мы узнали,
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радостей любовь,
Разлука будет без печали.*

Он всегда бесприютен и желчен. Поначалу в этом был юношеский вызов обществу, игра в демонического романтика. «Нет, я не Байрон, я другой, еще неведомый избранник», — так спорил поэт с самим собой. А потом выдумка обернулась явью, литературный трагизм перетек в житейское море.

Лермонтов выработал по-особому прерывистый, нервический ритм. Да и подобного характера в русской поэзии до него не было. Язвительный, заносчивый мудрец, рано познавший всевозможные извивы судьбы, своим магистральным мотивом он избрал разочарование («Любить... но кого же?... на время — не стоит труда, / А вечно любить невозможно»). На жизнь взирал «с холодным презрением». Но это — лишь одна галактика его вселенной.

Стихотворения Лермонтова — великолепно цветные. Одинокий парус, как водится, белеет, туман моря — непременно голубой. Разные цвета повсюду, ведь художником он стал даже раньше, чем поэтом.

Удивительно его умение вжиться в чужестранную лирику и не просто перевести ее на родной язык, а

вдохнуть в нее душу. Без таких переводов наша словесность непредставима. По-настоящему русской стала греза о Наполеоне Йозефа фон Цедлица — «Воздушный корабль» Лермонтов переложил под арестом. А переведенная им «Ночная песня странника» Иоганна Вольфганга Гёте просто-таки растворена в нашей природе:

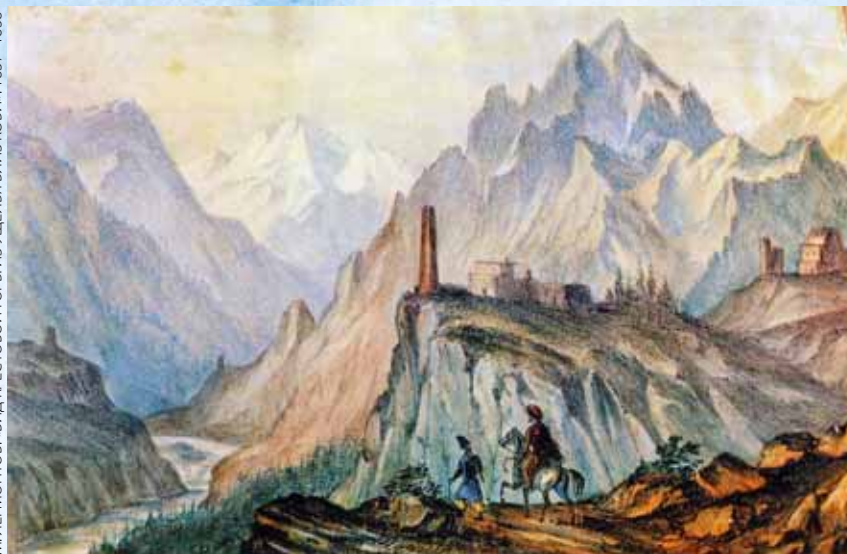
*Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мелод;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.*

После гибели Пушкина Лермонтов прожил лишь четыре года, и за этот срок довел до ума многие великие замыслы. Сочинял в дороге, в перерывах между сражениями, на постоялых дворах, в просторных особняках и тесных избах...

Всадник на белом коне

Все мы с детства помним стойкие, как русские штыки, строки «Бородинна» — лучшее продолжение пушкинской школы героики, где реалистично, страстно, без вычурных фольклоризмов представлено развернутое воспоминание о великой битве. С героического эпоса берет начало любая культура, это этап взросления народа. Примерно то же самое — и в случае с «Бородином», с ранних лет оно закладывает в нас нечто очень важное: тут и частица души великого поэта, и говор героического «дяди», простодушный народный глас, и открывшаяся автору воинская мудрость многих поколений. Не побывав на войне 1812 года, Михаил Юрьевич узнал о ней, по сути, все и передал эти знания потомкам.

Младший брат бабушки Лермонтова поручик артиллерии Афанасий Столыпин героически сражался при Бородине. Сам Кутузов упомянул его в реляции: «Поручики Жиркевич и Столыпин действовали отлично своими орудиями по

М. ЛЕРМОНТОВ. «ВИД КРЕСТОВОЙ ГОРЫ ИЗ УЩЕЛЬЯ БЛИЗ КОБАЯ». 1837–1838

неприятельским кавалерии и батареям, коих пальбу заставили прерывать».

Израненный, он дошел с русской армией до Парижа. Конечно же, рассказывал о боях и походах племяннику, и те вдохновили его на самое знаменитое батальное стихотворение нашей литературы. Правда, автор превратил рассказчика в старого солдата.

Азбука воинского патриотизма давалась Лермонтову удивительно легко, с ранней юности боевой символ веры он воспринял раз и навсегда. Поручик (чинами его не баловали), не зная страха, врезался на белом коне в ряды воинственных горцев. Даже из официальных рапортов становится ясно, насколько храбрым был поэт-офицер:

«Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об ее успехах, что было сопряжено с величайшею для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнил возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших солдат ворвался в неприятельские завалы.»

В последний свой приезд на Кавказ Лермонтов был на положении ссыльного и неблагонадежного. Среди причин опалы — дуэль и лихие эпиграммы. К чинам и наградам не стремился, слишком уж был углублен в себя, и тем не менее воевал храбро и умело. В составе передового отряда участвовал в самых опасных разведоперациях. Для тех же, кто вершил судьбы народов из Петербурга, оставался изгоем. Некогда он бросил им обвинения: «Вы, жадною толпой стоящие у трона...» Прежних обид царедворцы не забыли. Когда «за пылкое мужество», проявленное в побоище при Валерике, командиры представили его к Св. Владимиру 4-й степени, в столице решили наградить героя орденом поскромнее — Св. Станислава, а потом и вовсе отменили награждение. Не получил он и обещанное золотое оружие «За храбрость». А ведь, согласно реляциям, Лермонтов лично собрал конный отряд добровольцев, который первым встречал врага и «выдерживая его натиски, весьма часто обращал в бегство сильные партии». Одно из стихотворений того периода известно под названием «Завещание», оно не только элегическое, но и пророческое:

*Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:*

Смотри ж...

*Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.
А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навyleт в грудь
Я пулей ранен был...*

Стихи о Валерике читать еще труднее. Будто ощущаешь запах крови и нестерпимую боль смертельно раненного:

*Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал.
В груди его едва чернели
Две ранки, кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась; взоры
Бродили страшно, он шептал:
«Спасите, братцы.*

Тащат в горы.

*Постойте — ранен генерал...
Не слышат...» Долго он стонал,
Но все слабей, и понемногу
Затих и душу отдал Богу.
На ружья оперишь, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали...*

Такой батальной поэзии — подробной, «будничной» — до Лермонтова не существовало. Тут — взгляд изнутри, как у Толстого в «Севастопольских рассказах».

Пуля и слава

Последняя, роковая дуэль изучена до мелочей, поминутно. Но, как нередко бывает, чем больше мы знаем об этой истории, тем загадочнее она становится. Искал ли он романтической смерти в пышных кавказских декорациях? В то время поэт держался еще более вызывающе, чем обычно, как будто пребывал в отчаянии.

Друзья пытались отговорить Николая Мартынова от поединка, но тогдашние представления об офицерской чести не способствовали примирению. Во время дуэли Михаил Юрьевич снова насмеялся над противником, демонстративно опустил пистолет. Оскорбленный до глубины души визави целился основательно и «выстрелил так

метко, что Лермонтов упал, как будто его скосило на месте, не сделав движения ни назад, ни вперед. Пуля пробила его сердце и легкие. Буря грохотала и скорбно выла, гром оглушительно гремел, и молния ослепительно сверкала» (из показаний свидетеля, князя Александра Васильчикова).

Николай I, узнав о случившемся, разразился гневной тирадой: он ненавидел дуэли, да и поэтические колкости поручика давно вызывали его раздражение. Однако, поразмыслив, император пустил в ход другое изречение: «Тот, кто мог нам заменить Пушкина, убит».

Гибель удесятерила славу. По-смертные публикации показали: это по-настоящему великий, глубокий и страстный поэт. В 1850-е годы вышло сразу несколько его сборников, немалыми по тем временам тиражами. Позже появились и первые биографические труды, и опера Антона Рубинштейна.

И тогда, и в течение всего XX столетия, да и в наши дни сожалеть о

нереализованном таланте Лермонтова никому, по большому счету, не приходило в голову: оставленное им наследие огромно. Многочисленные поклонники его творчества относятся к нему как к чуду. Даже научные исследования, посвященные Лермонтову, часто напоминают захватывающий приключенческий роман. Или — проникновенную исповедь (в таком ключе писал о Лермонтове Иракий Андроников).

В лирике он стал вровень с Пушкиным. Оставил классические образцы поэмы. «Маскарад» — загадка, а вместе с тем взлет национального сценического искусства. «Герой нашего времени» предвосхищает расцвет русской прозы, связанный с именами Тургенева, Толстого, Достоевского.

Полностью разгадать Лермонтова невозможно, как и переложить его на английский, немецкий, французский — без потери тайных смыслов.

Он и по сей день — еще неведомый избранник.

ПАМЯТНИК М. ЛЕРМОНТОВУ В КИСПОВОДСКЕ

ФОТО: Л. НОСОВ / РИА НОВОСТИ

Культурная эволюция

Конторский дом Сытина на Тверской

Иван Сытин:

«Единственное благо человека — быть грамотным»

Ольга Жукова, кандидат исторических наук

Окончание. Начало в предыдущем номере

«Русское слово» и журналистское дело

Случайная встреча с Чеховым в доме у Михаила Саблина в 1893 году вывела «Товарищество Сытина» на новый виток развития. Антон Павлович попросил Ивана Дмитриевича напечатать небольшой сборник рассказов. Так началось знакомство, переросшее в крепкую дружбу. Мечтой Льва Толстого было издание народной книги, Чехов мечтал о народной газете, горячо убеждал начать ее выпуск. Однако это было совсем непросто. В 1897-м Сытин, прослышавший «либералом» и «мужиком», вместе с издателем газеты «Русское слово» Анатолием Александровым отправился на прием к всевластному Константину Победоносцеву. Александров просил разрешения передать коллеге права на свою газету. Посмотрев на ходатаев сквозь знаменитые очки, обер-прокурор Св. Синода заявил: «Ну, Сытину-то я не желаю помогать. Вы нам

наделали массу зла. Вы вывели нам писателей в народ. Толстого, Гаршина, Короленко. Все, все — Вы!» (Именно на этом драматическом моменте Иван Дмитриевич обрывает повествование своей «сказки про Иванушку-дурачка».)

Он стал действовать хитрее: открыл через подставных «благонадежных» лиц газету со звучным названием «Россия». Два года дела редакции шли ни шатко ни валко, а потом Сытин перекупил ее практически у самого себя и переименовал в «Русское слово». Но тираж упал до 30 тыс. экземпляров. В 1901 году после чехарды кадровых перестановок на пост главного редактора пришел известный фельетонист Влас Дорошевич — тот самый, запомнившийся Сытину проныра. Как оказалось, подобные черты характера весьма кстати предстоящему газетчику. Теперь маститый журналист был вправе предъявить свои условия. Договор работодателя и исполнителя таков: «Уволить всех реакционных сотрудников; Сытин не должен вмешиваться в редакционную деятельность; Дорошевич в течение трех лет обязуется давать для «Русского слова» 52 воскресных фельетона в год, а также отдельные статьи по текущим вопросам общественной жизни. Числом не менее 52 в год». С момента подписания Влас Михайлович становится самым щедро оплачиваемым журналистом России — оклад 50 000 рублей в год. Но условия договора выполнялись не строго. Дорошевич, даже живя по принципу «ни дня без строчки», не мог совмещать творческую работу с организаторской. Сытин ввел в редколлегию своего зятя Федора Благова. Штатными сотрудниками редакции стали фельетонист Александр Амфитеатров, новостник Игнатий Потапенко, репортер Владимир Гиляровский. Сотрудничали с газетой Василий Немирович-Данченко, Максим Горький, Иван Бунин, Александр Куприн, Леонид Андреев, Вячеслав Иванов.

Дорошевич руководствовался девизом: «Прекрасно быть мечтателем. Прекрасно быть поэтом. Но рецепты

С. Есенин среди сотрудников типографии Сытина

ФОТО: АЛЕКСЕЙ БОЙЦОВ/РИА НОВОСТИ

Н. Касаткин.
Работница сытинского издательства

большим не пишутся в стихах, там, где речь идет о бытии народа, быть практичным — долг». И хотя кабинет заседаний редколлегии украшал портрет писателя-мечтателя, певца размеренной русской жизни Чехова, газетчики работали в лучших традициях американской прессы: круглые сутки у телефона в редакции дежурил секретарь, любое сообщение могло стать сенсационной новостью, любой совет читателя принимался с благодарностью. Главный редактор, остроумно подметив, что в Москве случаются лишь происшествия, а события происходят в Петербурге, открыл в тогдашней столице корреспондентский пункт со штатом в сто человек. А потом впервые в истории русской журналистики возникли корпункты «Русского слова» по всей стране — Харьков, Киев, Варшава, Хабаровск. Тираж газеты с первоначальных 13 тыс. поднялся (к 1916 году) до 700 тыс. экземпляров. В 1904-м редакция переехала в дом 18 на Тверской, устроенный на манер парижских издательств.

Газета проводила телеграфные анкетирования, как сказали бы сегодня — социологические опросы, касавшиеся всех сторон общественной жизни. Премьер-министр Витте не без зависти констатировал: «Такой быстроты собирания сведений нет даже у правительства!» На что главред гордо ответил: «Так на то мы и газета!»

ФОТО: АЛЕКСЕЙ БОЙЦОВ/РИА НОВОСТИ

«Русское слово» величали в народе «фабрикой новостей», а фабриканту Сытину так понравилось чувствовать себя «четвертой властью», что он приступил к выпуску иллюстрированного приложения «Искры». В 1903 году купил права на журнал «Друг детей» и пригласил к сотрудничеству в нем Куприна, Мамина-Сибиряка и других прекрасных писателей. Через год выпускал еженедельник «Война с Японией». В 1906 году открыл газеты «Правда Божия» и «Русская правда». В 1907-м финансировал «Вестник книжного, учебного и библиотечного дела» и журнал «Для народного учителя». В 1913 году выпускал журналы «Заря» и

«Голос минувшего». Через три года купил контрольный пакет акций главного русского журнала «Нива». У Ивана Дмитриевича работали самые грамотные рабочие, их производительность труда была самой высокой — благодаря техническим новшествам, передовым технологиям, за которыми всегда следил Сытин. В начале 1913-го экспедитором в типографию «Товарищества И.Д. Сытина» нанимался никому доселе не известный поэт из Рязани Сергей Есенин. Позже он занял должность подчитчика (помощника корректора). Весной 1913-го молодой буян и повеса примкнул к революционно настроенным ра-

бочим типографии, распространял нелегальную литературу, участвовал в забастовках и демонстрациях протеста. В документах охраны его кличка — Набор. За ним устанавливали слежку, в его квартире проходил обыск. В типографии же начался служебный роман Есенина с корректором Анной Изрядновой, а несколько позже у них родился сын Юрий.

О чем мечталось юбиляру

В 1916-м пышно отмечалось 50-летие трудовой деятельности Ивана Сытина, к этой дате «Товарищество» подошло с солидным списком побед: 26 медалей и дипломов всероссийских и международных выставок. Но главное — к этому моменту у издателя и медиамагната практически не было конкурентов в России (Сытин уверял, что в Европе — тоже). Еще в 1903 году его товарищество скупило типографию Васильева, в 1904-м — Соловьева, в 1905-м — Орлова. В 1909-м выкуплен контрольный пакет «Контрагентства А.С. Суворина». В 1913-м стал сытинским писчебумажный синдикат, и можно

ФОТО: АЛЕКСЕЙ БОЙЦОВ/РИА НОВОСТИ

Поздравительный адрес И. Сытину в серебряной обложке от сотрудников газеты «Российский художник» в честь 50-летия издательской деятельности

уже было не беспокоиться о цене на бумагу. Тогда же в империю Сытина вошел торговый дом Коноваловой, а в 1914-м — Кудинова. В 1916 году «Товарищество в нефтяной промышленности» помогло стать независимым от цен на энергоносители. Одновременно было выкуплено «Московское товарищество издательства и печати Н.А. Казецкого» и основной пай издательства Маркса, выпускавшего «Ниву».

Юбилей своей трудовой деятельности Сытин хотел ознаменовать открытием в Москве «Дома книги» — не только торгового предприятия, но академии книжного производства, университета печатного дела. Оставшись на вершине успеха в гордом одиночестве, Иван Дмитриевич продолжил мечтать о большем: открыть собственную писчебумажную фабрику под Москвой, а при ней — городок печатников, в котором — свои школы, больницы, почта, телеграф, театр и церковь; создать на богатом лесами Русском Севере гигантское бумажное производство; учредить всероссийскую сеть газет с собственными типографиями, телефонно-телеграфической связью, агентством новостей с выходом за рубеж.

Мысля уже в государственном масштабе, Сытин понимал, что пришло время открывать в России тысячи профессиональных училищ, школ, оборудовать их по последнему слову техники, снабдить хорошими учебниками. Намеревался создать для учителей народных школ дворец-университет, а детское образование и воспитание начинать с... кустарной игрушки, популяризировать народные промыслы и ремесла, сделать, таким образом, обучение более наглядным, прививать практические трудовые навыки, чтобы у нового поколения россиян были не только светлые головы, но и умелые руки. Собирался открывать новые библиотеки. Наверное, замысливая все это, вспоминал свое детство и жалел, что не пришлось ему когда-то в досталь наиграться и вдоволь поучиться.

Увы, те планы не были реализованы — 1917-й поставил на них крест.

Где родился, там и пригодился

Многие промышленники и фабриканты думали, как бы вывезти из страны капиталы и вырваться самим. Иван Дмитриевич продолжил трудиться на благо Отечества. Вначале стал уполномоченным своей бывшей типографии или, как сам он писал, «бесплатным работником», потом отправился в Германию — договариваться о поставках бумаги в Советскую Россию. По заданию Наркомадела организовал советскую художественную выставку в США.

На заре НЭПа Иван Дмитриевич вместе с повзрослевшими сыновьями зарегистрировал в Моссовете «Книжное товарищество 1922 года», но оно просуществовало менее двух лет. Сытину предлагали возглавить Госиздат — отказался, ссылаясь на свою мало-

Рабочий кабинет И. Сытина

ФОТО: АЛЕКСЕЙ БОЙЦОВ/РИА НОВОСТИ

грамотность. На эту должность назначили Вацлава Воровского, а Иван Дмитриевич стал при нем консультантом. Через пять лет служения советской власти семидесятипятилетний труженик отошел от дел, ему была назначена персональная пенсия в 250 руб. Особым постановлением Реввоенсовета его квартиру освободили от уплотнения как у человека «много сделавшего для социал-демократического движения». Ему оставалось лишь предаваться воспоминаниям и тревожиться за судьбы детей.

Овдовел он в 1924-м. В 1927-м был репрессирован его старший сын Николай — за подготовку «идейно незрелого альбома», посвященного Красной Армии. Заступничество Максима Горького не дало результатов. Другой сын, Василий, главный редактор семейной фирмы, умер молодым, раньше отца. Еще один, Петр, эмигрировал в Германию. Иван долгое время работал в Главлите. Младший, Дмитрий, был красным командиром, служил в штабе Михаила Фрунзе, ушел в отставку в начале 30-х годов.

Иван Дмитриевич умер в 1934 году и был похоронен на Введенском кладбище Москвы.

В СССР о нем вышло множество книг, его опыт в издательском деле и книжной торговле изучался во всех гуманитарных вузах страны. Об Иване Сытине был снят документальный фильм, в его квартире открыт музей, на доме установлена мемориальная доска. Но лучшим памятником ему остаются уникальные издания и слава великого труженика-просветителя.

ФОТО: ВАЛЕНТИН СОБОЛЕВ/ТАСС

Культ без личности

Валерий Шамбаров

Эпоха Никиты Хрущева, которую у нас зачастую называют «оттепелью», завершилась 55 лет назад. А начиналась она почти сразу после смерти Сталина убийством Берии, обвиненного — скорее всего, ложно — в попытке государственного переворота. Несмотря на этот мрачный контекст, первые перемены казались радужными, нацеленными на улучшение жизни советских людей. Нарастал выпуск товаров ширпотреба, продовольствия, развивалось жилищное строительство, снижались сельскохозяйственные налоги, у колхозов и совхозов списывали накопленные долги, поощрялось развитие подсобных хозяйств. Горожанам начали бесплатно раздавать дачные участки. Поначалу правление в стране было коллективным, но реформы проводил глава правительства Георгий Маленков. Хрущев лишь умело подстроился к ним, зарабатывая популярность.

ИНТРИГАНОМ он был весьма ловким и опытным. Опираясь на старых сталинистов — Молотова, Кагановича, Ворошилова, Микояна, — обвинил Маленкова в правом уклоне и сместил с поста председателя Совета министров. В 1956-м на XX съезде КПСС Никита Сергеевич вдруг выступил с докладом о культе личности, в связи с чем обрел впоследствии славу творца «оттепели», демократа во власти. Готовили этот доклад недавние созидатели того самого культа во главе с профессором Петром Поспеловым, а Хрущев, пользуясь случаем, постарался переложить на Сталина с Берией преступления, в которых сам чрезвычайно активно поучаствовал. Ведь он являлся одним из самых рьяных организаторов террора 1930-х, добровольно входил в расстрельную «тройку» по Москве и Московской области, возглавлял чистки на Украине, постоянно просил увеличить ему лимиты на применение смертной казни. Причем размахнулся так, что Сталин был вынужден останавливать его телеграммой: «Уймись, дурак».

Его единоличная заслуга в деле разрушения ГУЛАГа — тоже миф. Первые реальные шаги в данном направлении предпринял как раз Берия, амнистировавший почти половину заключенных (1,2 млн). Хрущев же тот процесс приостановил. Собственную амнистию он осуществил в 1955-м по просьбе канцлера ФРГ Конрада Аденауэра, отпустив на волю оставшихся в СССР военнопленных. Заодно освободил осужденных за пособничество оккупантам полицаяв и старост, бандеровцев и прибалтийских «лесных братьев». И только после XX съезда ГУЛАГ был ликвидирован, объявлялось о реабилитации 700 тыс. человек. Хотя к тому времени количество «политических» в лагерях составляло лишь 110 тыс. Из них 67 тыс. — изменники и каратели времен войны.

По мере укрепления власти первый секретарь ЦК КПСС стал проводить свои реформы — в основном шапкозакидательские. Приступил к широкому освое-

нию целины. Народу внушалось, что она завалит страну хлебом, даст огромные прибыли. Развернулась чисто хрущевская штурмовщина. С помпой, под бравадные лозунги, в степи Сибири и Казахстана бросили немыслимые ресурсы, отправили эшелоны с сельскохозяйственной техникой, трудящейся молодежью, специалистами. Там не было элементарно необходимого, жилья, станций. Трактора и комбайны сваливали прямо в снег. Техника ломалась, ржавела. Люди ютились в бараках, болели, гибли.

Другим средством, будто бы пригодным для того, чтобы одним махом поднять экономику, Хрущев счел кукурузу. Приказывал сажать ее повсюду, сокращая посевы прочих культур. Объявлял: если «кукуруза не родится, то виноват в этом не климат, а руководитель». Начальство, чтобы усидеть в своих креслах, лгало о высоких урожаях. Ко всему прочему Никита Сергеевич рассудил, что централизация промышленности и сельского хозяйства приводит к лишней бюрократии. Упразднил 25 из 37 союзных министерств, вме-

сто них в каждой области появился совнархоз, руководивший местными предприятиями. В управлении народным хозяйством возникла страшная путаница.

Подобные сумасбродства объединили против него как соперников, так и вчерашних соратников: Молотова, Маленкова, Кагановича, Ворошилова, Булганина, Шепилова. В 1957 году они решили легитимно, на заседании Президиума ЦК снять первого секретаря. Однако он извернулся, нашел опору в лице прекрасного полковника, но отнюдь не искусного в политических интригах маршала Жукова. Георгий Константинович поддержал Хрущева, считая себя обязанным ему за должность министра обороны и четвертую Звезду Героя. Вопрос перенесли на пленум, а там Никита Сергеевич переиграл противников, обвинив в «сталинских преступлениях». Их повыгоняли и с руководящих постов, и даже из партии. Однако и в высочайшем авторитете Жукова Хрущев усмотрел угрозу для себя. Через полгода уволил его по надуманным обвинениям.

Тогда-то власть главного коммуниста страны и стала единоличной, а реформы посыпались как из ведра. Кстати, в молодости он был троцкистом, и многие его установки повторяли троцкистские. Грянула «вторая коллективизация» — с запретом приусадебных хозяйств для колхозников, предписанием сдать госу-

дарству личный скот. Последовало укрупнение колхозов, появился термин «неперспективные деревни» — их предстояло ликвидировать. Кукурузная лихорадка дополнилась мясной и молочной. Хрущев ставил задачу за три года утроить производство мяса, а чтобы ее выполнить, забивали весь скот, включая молодняк.

Первый секретарь озаботился и реформой образования. Соединяя умственный труд с физическим, как следовало из учения Маркса, для старшекласников ввели работу на производстве — два дня в неделю. В вузы стали принимать абитуриентов с обязательным двухлетним рабочим стажем, а первокурсников направляли трудиться на предприятия. Разделение партийных и советских органов на промышленные и сельскохозяйственные с удвоением числа административных служащих вызвало еще большую путаницу.

Хрущев начал очередные гонения на церковь. Если при Сталине число действующих храмов превысило 20 тысяч, то при его фактическом преемнике сократилось до семи с половиной тысяч. Никита Сергеевич с высоких трибун обещал показать по телевизору «последнего попа».

Некоторые его шаги до сих пор не находят логичного объяснения. Так, в 1936 году Сталин под страхом уголовной ответственности запретил аборт. Хрущев же в 1955-м их легализовал, при том, что во всех развитых странах они еще считались преступлением. (Только в 1964-м по этой причине в СССР не родились 5,6 млн детей.) Некой загадкой до сих пор выглядит и передача Украине никогда не принадлежавшего ей Крыма. До того момента лишь один документ указывал на то, что полуостров может быть украинским — решение Версальской конференции 1919 года, принятое по инициативе президента США Вудро Вильсона. Получается, что лидер СССР зачем-то его исполнил?

Н. Хрущев и Ф. Кастро в Абхазии. Май 1963

ФОТО: ВАСИЛИЙ ЕГОРОВ/ГЛАС

Дружбу с Западом он налаживал в привычном для себя духе. Провозгласил поворот от холодной войны к мирному сосуществованию и соревнованию: дескать, надо превзойти иностранцев по уровню жизни, и они сами поймут, что при коммунизме лучше. Под лозунгом «Догнать и перегнать Америку» и ему подобными принималась программа построения коммунизма, а на международном уровне делались широкие односторонние жесты. Хрущев вывел войска из Австрии, сдал важнейший плацдарм в Центральной Европе, вернул Финляндии военно-морскую базу Порккала в 17 км от Хельсинки, полученную по итогам войны. Демонстрируя миролюбие, устраивал массовые сокращения вооруженных сил: сперва на 1 млн, потом еще на 1,3 млн человек. При этом сделал вывод: если есть баллистические ракеты, то в авиации, флоте, артиллерии нет прежней надобности. Резались на металлолом первоклассные корабли, самолеты, прекращались перспективные разработки.

Страны третьего мира, которые признавались дружественными, Хрущев счел своим долгом щедро «кормить». Им направляли колоссальные средства, технику, специалистов. Зато с Китаем он поссорился. Крайне важный в мировом противостоянии стратегический союз порушил, доведя ситуацию до состояния открытой вражды. А

между тем западные державы ответного миролюбия не проявляли вовсе, налаживание связей с СССР использовали для достижения собственного влияния. Силы не сокращали, а наращивали, обкладывая наши границы собственными военными базами. Когда же вскрылось их коварство, хрущевское сумасбродство приводило к другим крайностям: Берлинский и Карибский кризисы едва не довели до глобальной войны.

Между тем и его реформы оборачивались постепенным развалом. Распашка целины не только погубила пастбища, но и вызвала эрозию почвы. «Сказочная» урожайность через пару лет снизилась на 65 процентов. Расчет на кукурузу лопнул мыльным пузырем. В погоне за плановыми показателями забивали скот, порушили деревню. Страна оказалась на грани голода. За хлебом выстраивались огромные очереди, советским гражданам выдавали по буханке в одни руки. Дошло до восстания в Новочеркасске. Волнения и забастовки казались по другим городам. Чтобы спасти положение, правительство было вынуждено начать закупки хлеба в США, Канаде — вот так «догнали и перегнали Америку».

Стоит отметить, что и «свободы» хрущевской «оттепели» были сугубо пропагандистскими. Уже после XX съезда за пять лет по политическим статьям было осуждено

4676 человек. Ослабление государственного контроля, упразднение МВД привели к повальному воровству, связи с зарубежьем — к валютным спекуляциям. В 1961-м были принят указ Президиума Верховного Совета, предписывавший ужесточение наказания за эти преступления вплоть до смертной казни. Наверное, не стоит воспринимать слишком серьезно и осуждение «культы личности». Исследователи подсчитали: фотографий Хрущева и славословий ему публиковалось в советской прессе в семь раз больше, чем ранее в отношении предшественника. Грудь Никиты Сергеевича украсили три Звезды Героя Социалистического Труда (у Сталина была одна).

Возмущение текущим правлением неуклонно нарастало. Наконец, и партийная верхушка сошлась в убеждении: пока не докатилось до народного взрыва, Хрущева надо менять. Центрами оппозиции стали секретари ЦК Леонид Брежнев и Александр Шелепин (к нему примыкал председатель КГБ Владимир Семичастный). Методы выбрали законные, в рамках партийной демократии. Но для этого с членами ЦК встречались втайне от Хрущева, прощупывали, договаривались.

Желающие донести о подозрительном поведении партийных товарищей нашлись, однако из неясных предупреждений Хрущев понял лишь, что против него зреет коллективное недовольство. Пригрозил членам Президиума: «Что-то вы, друзья, против меня затеаете. Смотрите, в случае чего разбросаю, как щенят». Опасность он считал несерьезной, 29 сентября 1964-го отправился в отпуск в Пицунду. 11 октября к нему прилетел сын Сергей, подтвердил: готовится заговор. Но первый секретарь был слишком самоуверен, на всякий случай позвонил Полянскому, наорал на него, сказал, что знает об интригах и, когда вернется, покажет всем «кузькину мать».

Шелепин с Семичастным забили тревогу, вызвали находившегося в Берлине Брежнева и запустили процесс переворота: оповестили министра обороны Родиона Малиновского, начали созывать пленум ЦК. 12 октября Никите Хрущеву позвонили, известили о том, что возникли проблемы в сельском хозяйстве, нужно, дескать, его присутствие. Он сперва отмахивался, потом согласился прилететь. Заподозрил ли неладное? Возможно. Однако сделать уже ничего не мог: особняк в Пицунде охраняли люди Семичастного; море блокировали военные корабли, небо — военные самолеты.

В Москве с аэродрома первого секретаря привезли на заседание Президиума ЦК, где и высказали все, что о нем думают. Уже собирался пленум ЦК для его снятия...

Впрочем, Никите Сергеевичу было бы грешно жаловаться на судьбу. Его не поставили к стенке, подобно тому, как он сам поступил с Берией, не исключили из партии, как это произошло с Молотовым, Маленковым

и Кагановичем. Отстранили с очень мягкой формулировкой: «в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья». Сохранили спецобеспечение, элитную дачу, пенсию.

Должности, которые он занимал, разделили. Правительство возглавил сильный экономист Алексей Косыгин, первым секретарем (с 1966-го — генеральным) стал Брежнев. Почему? Против Хрущева объединились разные группировки кремлевской верхушки: «старики» Суслов, Пономарев, «молодые» — Шелепин, Семичастный, «сталинисты» Воронов, Мазуров, Полянский. Кандидатура Брежнева представлялась «нейтральной», а человеком он был разумным и доброжелательным, не хамил, не устраивал диких разносков. К тому же меньше других был способен на роль диктатора. В итоге устраивал всех.

Он и свое правление начал взвешенно, избегая резких шагов, отыскивая компромиссные решения. Буйное реформаторство свернул. Впоследствии Леонида Ильича обвиняли в этом, обзывали его эпоху «застоем». Но он фактически спас страну, обеспечил ей 18 лет спокойной и относительно благополучной жизни.

Хотя то, что хрущевщина не была официально осуждена, впоследствии сказалось: через несколько лет после смерти Леонида Ильича к власти дорвались такие «реформаторы», по сравнению с которыми личность Хрущева, пожалуй, выглядит не такой уж и темной.

Н. Хрущев и Л. Брежнев разговаривают по телефону с космонавтами. 12 октября 1964 года

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: А. ВОРОТЫНСКИЙ/РИА. НОВОСТИ

Испытаний устный летописец

Валерий Бурт

В годы Великой Отечественной звуки его могучего голоса ловили в промерзших фронтовых землянках, в переулочках осажденной Москвы, на проспектах блокадного Ленинграда, в оккупированном Киеве — в десятках тысяч советских городов, поселков и деревень. Оживала и крепла надежда на то, что враг непременно будет разбит, напряженные лица людей становились еще более суровыми или, наоборот, светлели, лучились верой, оптимизмом. У многих соотечественников руки непроизвольно сжимались в кулаки...

Золотой век радио

Телевизор начал появляться в наших жилищах и все более полноправно входить в повседневный быт на излете 1950-х. Тогда казалось, что удивительный аппарат с весело мерцающим экраном быстро превзойдет своей популярностью радио. Но оно еще долго не сдавало завоеванных позиций. Как и прежде, во время репортажей с первомайских и ноябрьских парадов-демонстраций зычный баритон подробно зачитывал: «На Мавзолей поднимаются члены Политбюро ЦК КПСС...» — или патетически-торжественно живописал: «Идут, чеканя шаг, овечьими боевой славы, гвардейцы Краснознаменной Таманской дивизии...»

Радио оставалось испытанным, незаменимым трудягой-дневальным, вещавшим от подъема до отбоя, от раннего, пробуждающего гимна СССР в шесть ноль-ноль до позднего, полуночного. Звеняще заливалась по утрам «Пионерская зорька»: «Здравствуйте, ребята! Передаем репортаж...» В ином частотном диапазоне звучало объявление о начале передачи «Писатели у микрофона»: «Я получаю много писем от читателей, хочу прочесть одно, от механизатора колхоза «Заветы Ильича», который просит рассказать...»

В радиоприемнике «умещалось» великое множество известных, талантливых людей, а самым

ФОТО: ЕВГЕНИЙ ХАЛДЕЙ/ТАСС

главным среди них в массовом восприятии был, несомненно, диктор Левитан. Он информировал о событиях в стране и за рубежом, декламировал литературные произведения, озвучивал газетные материалы. Коронным номером было чтение официальных правительственных сообщений.

После позывных «Родина слышит, Родина знает» наступала томительная пауза. Многие слушатели замирали от волнения, верующие старушки крестились, порой пришептывая: «Только бы не война». Потом гремел все тот же знакомый каждому голос: «Внимание! Работают все радиостанции Советского Союза!»

Далее — опять после небольшой паузы — сообщалось о беспрецедентном подвиге наших космонавтов, очередной победе социализма-коммунизма и других чрезвычайной важности вещах. Левитан говорил так проникновенно и доверительно, что невозможно было не обратиться в слух, находясь поблизости от радиоточки. Казалось, прочитанное им не только имеет первостепенное значение, оно вот-вот перевернет всю нашу жизнь. То, что Юрий Борисович доносил до слушателей, облакалось сугубой торжественностью.

Его голос не оставлял равнодушным никого, люди заворожено внимали ему, оставив даже самые неотложные дела. Часто, добежав до приемника или уличной тарелки, вмиг замолкали и слушали стоя. Привыкли к мысли: если говорит Юрий Левитан — пропустить это нельзя ни в коем случае.

Один из ярчайших символов советской эпохи, он более полувека вел летопись великой страны.

Качаловский протезе

Родился будущий легендарный диктор во Владимире, где портняжил его отец. В местном краеведческом музее хранится объявление: «Военный и гражданский портной Борис Левитан принимает заказы на пошив форменной одежды для полицейских, пожарных, чиновников». Наверняка родитель не раз советовал сыну пойти по его стопам, но Левитана-младшего такая перспектива не прельщала. Он хотел стать актером и отправился поступать в Государственный институт кино. Приемной комиссии, однако, не приглянулся. Увидев объявление о наборе в группу дикторов радио, откликнулся, пришел, что-то прочитал и опять не впечатлил: голос у него был чересчур громкий, а говор — заметно окающий. И тем не менее его приняли — настоял один из членов комиссии, знаменитый Василий Качалов, который почувствовал, что из худенького очкарика может выйти толк.

Взяли его на радио стажером. Молодой человек выполнял мелкие поручения, с готовностью внимал наставлениям заслуженных людей. «У нас

были преподаватели по художественному слову, по дикции, постановке голоса, — рассказывал позже Юрий Борисович в одном из интервью. — Среди преподавателей выделялась Нина Николаевна Литовцева — режиссер и актриса Московского Художественного театра, жена Качалова. Однажды она пригласила меня домой, познакомила с Василием Ивановичем. Раньше я его только объявлял по радио: записи не было, артисты просто приходили к нам на радио, и мы все их знали. Но побывать у Качалова дома... Я стал часто заходить к ним. Сидел в уголке, а Качалов читал стихи или готовил прозу, учил роль или репетировал. А я слушал.

Постепенно Юрий избавился от своего оканья, заговорил по-московски. Вот только слишком медленно и старательно произносил слова. Известный артист Осип Абдулов как-то сказал ему: «Слушай, Юра! Ты пойди на диспут в Политехнический, в МГУ, послушай, как говорят ораторы, как они строят речь, как общаются с аудиторией. А актеры — какие мастера есть сейчас! Ну что ты все время: «Се-го-дня в Па-ри-же со-стоя-лось...»

Работавший на радио Ростислав Плятт был впечатлен упорством новобранца-коллеги: «Он буквально вгрызался в работу. Закончив занятия со своими педагогами, он никуда не уходил и оставался в помещении Радиокomiteта с утра до вечера. И всегда был чем-то занят. То в пустой студии делал заданные ему упражнения или, примостившись где-нибудь в углу, что-то запоем читал; то забегал в дикторскую и жадно вслушивался в разговоры старших, а то вдруг бросался помогать звуковикам в переноске какой-то тяжести».

Щупловатый, subtilный молодой человек уже уверенно чеканил слова. Ему все больше хотелось поработать самостоятельно: сесть в широкое кресло, пододвинуть микрофон и, заглядывая в кипу листов, начать чтение. Он мечтал о том, что когда-нибудь его услышит вся страна.

Его стали назначать в студии на позднее дежурство, когда требовалось объявлять музыкальные номера, читать новости, фрагменты из статей завтрашней «Правды». Вечерняя работа не столь ответственна — если дебютант допустит ошибку, то ее заметит гораздо меньшее количество людей, нежели днем. А может, и вовсе не обнаружат оплошности.

«Пусть этот голос читает»

Но внимание на него обратили довольно скоро, причем самое пристальное. И не где-нибудь, а в Кремле — сам Сталин случайно включил радио и услышал голос Левитана, озвучивавший какую-то газетную публикацию. Это произошло 25 января 1934 года.

Генсек даже не поинтересовался фамилией диктора, просто позвонил на радио и попросил, чтобы на

следующий день его доклад на XVII съезде ВКП (б) прочитал именно «этот голос».

Пожелание было исполнено. Конечно, Левитан безмерно волновался, но все сделал, как полагается. Автору доклада интонации чтеца понравились, Сталин выразил надежду на то, что отныне все его выступления будут ретранслироваться «этим голосом».

Случилось невиданное: неизвестный молодой человек, которому не исполнилось и двадцати, стал личным диктором «отца народов». Можно себе представить состояние маститых коллег. Надо полагать, завидовали: юноша, который еще недавно бегал за чаем, резал бутерброды, вдруг ни с того ни с сего отеснил корифеев, и теперь вся слава достанется ему... И она, огромная, всесоюзная, действительно досталась Юрию Левитану. Его удостаивали орденов, медалей, хотя жизнь награжденного, обласканного властью оставалась непростой, чреватой опасностями: следовало всегда быть начеку, не расслабляться, оперировать выверенными, точными интонациями независимо от содержания текста — будь тот об очередном разоблачении «врагов народа», новом трудовом достижении нации или решении партии большевиков.

Сталин часто слушал его выступления, но не мог уследить за всеми. Вождю вполне могли доложить, что товарищ Левитан, читая речь генерального секретаря, использовал «не те ноты» или произносил какие-то важные слова равнодушно, без воодушевления...

К счастью, все обошлось. Он продолжал выходить в эфир, сообщал не только об эпохальных событиях — полете Чкалова, героях челюскинцах и метростроевцах, но и передавал обычные новости. В его устах каждое предложение приобретало монументальную значительность, наполнялось высоким смыслом. Особенно в дни Великой Отечественной. В стихотворении Якова Хелемского «Голос» есть такие строки:

*Как он сводки горькие читал!
Как читал победные приказы —
Крупно отчеканивая фразы!
Словно, нанося их на металл.
Грозный бархат голоса его,
Тембром то печальным, то счастливым
Доносивший боль и торжество,
Был знаком солдатам и комдивам.
Подключив Камчатку и Урал,
До памирской крутизны возвысясь,
Настораживал и ободрял,
Испытаний устный летописец...*

«В те дни мы все почувствовали такую ответственность на своих плечах, о которой прежде и не подозревали, — вспоминал Юрий Борисович. — Не дай бог, чтобы дрогнул голос. Не дай бог, чтобы в нем

прозвучали паника, растерянность, смятение. Ведь это будет замечено всеми и вызовет аналогичную реакцию, ибо голос Москвы был как голос сердца...»

Гитлер объявил его личным врагом и намеревался повесить, как только вермахт войдет в советскую столицу. По другим сведениям, немцы хотели Левитана выкрасть и привезти в Берлин, чтобы он читал победные германские сводки. Неудивительно, что его охраняли денно и нощно, при этом слухи о вражеских агентах становились все упорнее...

В сентябре 1941 года в Свердловск прибыл специальный поезд, в котором находились дикторы Всесоюзного радио Наталья Толстова и Юрий Левитан. Еще раньше на Урал приехала их коллега Ольга Высоцкая. Оттуда началось главное общенациональное радиовещание.

Сообщения, которые зачитывали на всю страну, поступали из Москвы по телефону. Сигнал из студии шел по кабелю на ретранслятор «РВ-96», установленный близ озера Шарташ. Это был самый мощный передатчик в СССР.

Информация о положении на фронте могла поступить в любое время, поэтому дикторы неотлучно находились на рабочих местах. Левитану выделили небольшую комнату с кроватью, столом и стулом.

Известен любопытный факт (или легенда).

Однажды Сталин заметил в его голосе легкую хрипоту и забеспокоился — не заболел ли? Генсек оказался прав. Левитан ходил в стареньком пальто, в дырявые валенки проникал снег; и Юрий Борисович основательно простудился.

Вождь позвонил первому секретарю Свердловского обкома ВКП(б) Василию Андрианову: «Головой за диктора отвечаешь». Партийный руководитель привез к больному местного врача, подарил Левитану валенки и овчинный тулуп.

Сигнал к окончанию

Сталина однажды спросили, когда закончится война. Тот ответил с улыбкой: «Как Левитан объявит». И действительно, диктор первым принес всем радостную весть 9 Мая 1945 года. Вечером этого дня Юрия Левитана вызвали в Кремль и вручили ему текст обращения Верховного главнокомандующего. Прочсть надлежало в нужное время, то есть через полчаса с небольшим.

Он поспешил на студию, находившуюся неподалеку, надо было только пересечь Красную площадь. Но ее заполнил ликующий народ, просочиться сквозь плотную людскую массу было невозможно. Левитана охватило отчаяние.

«И тут нас осенило: в Кремле ведь тоже есть радиостанция, нужно читать оттуда! — вспоминал Юрий Борисович. — Бежим назад, объясняем ситуацию коменданту, и тот дает команду охране не останавливать двух бегущих по кремлевским коридорам людей. Вот и радиостанция. Срываем с пакета сургучные печати, раскрываем текст».

Диктор привычно подошел к микрофону, поправил очки, пригладил волосы, унял волнение и вышел в эфир со своим историческим объявлением: «8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершилась, Германия полностью разгромлена».

Юрий Левитан прочитал за свою жизнь бесчисленное количество докладов и новостей. Он сообщил советскому народу и о смерти Сталина в марте 1953 года. В тот момент в его голосе ощущалась пронзительная боль, похоже, он по-настоящему скорбел, возможно, невольно вспомнил о том, кто вывел его «в люди».

В дальнейшем ежегодно приезжал в Прохоровку, где во время войны произошло гигантское танковое сражение. Собрался и в канун 40-летия Курской битвы, хотя тогда, летом 1983-го, чувствовал себя скверно.

Считается, что он умер своей смертью, от сердечного приступа в сельской больнице. Однако не будет большим преувеличением сказать, что Юрий Левитан погиб — от напряженной, чрезвычайно ответственной работы, болезненных воспоминаний, сильных впечатлений при встрече с фронтовиками.

Он ведь тоже воевал, хотя бил по врагу не обычным оружием, но своим неповторимым, уникально мощным голосом. За это в родном Владимире ему поставлен памятник. Статуи диктора в скульптурной композиции нет. Есть столб с фонарем и репродуктором, под ними стоят две фигуры — напряженно, с надеждой вслушиваются...

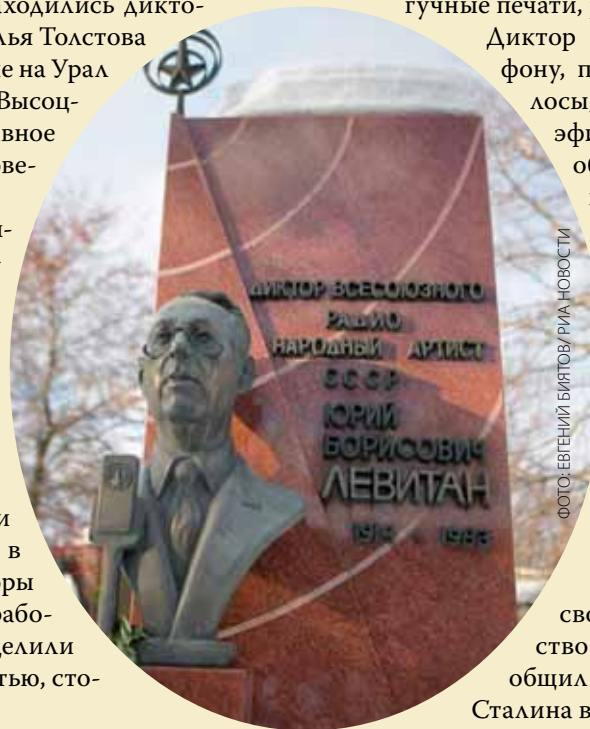

ФОТО: ЕВГЕНИЙ БИЯТОВ / РИА НОВОСТИ

Русский авангард

«ДАННАЯ»

ФОТО: СЕРГЕЙ ПЯТАКОВ/РИА НОВОСТИ

22
октября
150
лет со дня
рождения

Революционный «Вихрь»

Ксения ВОРОТЫНЦЕВА

Филиппа Малявина иногда называют «русским Климтом». Расцвет творчества художников пришелся на эпоху модерна. Главные героини их работ — женщины: сильные, витальные на полотнах русского автора и чувственные, притягательные на картинах австрийца. При этом Малявину нельзя отказать в самобытности: не золото, а кумач, из которого шили крестьянские сарафаны, определил палитру нашего живописца. Произведения — против воли создателя — стали символами революционных потрясений, перевернувших жизнь страны.

«АВТОПОРТРЕТ», 1927

БУДУЩИЙ художник родился в селе Казанка Самарской губернии в бедной крестьянской семье. С детства интересовался изобразительным искусством: «Долгое время я никак не мог решить, быть ли мне живописцем или резчиком, и это меня очень удручало. Смотрел всегда с ужасом на годы — вот будет мне семь, восемь. До десяти я представить себе не мог, до того это уже старость, и мне казались люди после десяти лет уже пожилыми. Я только одного боялся, как бы мне не потерять времени, и бегал, собирал угли в золе и рисовал везде — на стенках, на колесах, на воротах и даже на золе. Обращался к мужикам, чтобы они мне показали, как нужно рисовать, и с успехом пользовался их советами. По свидетельству писателя Александра Куприна, первый заказ Филипп получил в возрасте восьми лет — во время русско-турецкой кампании: «Одна солдатка... додумалась послать мужу на войну изображение сынишки: о фотографии еще и не слышали в деревне. А тогда уже Малявина дразнили по деревне «живописцем», — без зла... на его работы глазели охотно и не без маленькой местной гордости, хотя самое занятие-то считали непутевым. Ему солдатка и дала заказ. Исполнил он его карандашом и столь успешно, что растроганная баба заплатила целый гривенник».

В 16 лет будущий художник вместе со знакомым иконописцем уехал на Афон, где провел шесть лет, постигая азы церковной живописи. Однако «своим» так и не стал, поскольку хотел не копировать, а творить: «Освоившись быстро со всеми приемами иконописания, Малявин горячо принялся за работу, но тут встретила новая беда: монастырь требовал от него

точного списывания с установленных образцов, а Малявина неудержимо тянуло писать по-своему. Дают юноше скопировать образ, а он переделывает его на свой лад; дают другой, а он и его изменяет до неузнаваемости. Должно быть, однако, работа Малявина производила впечатление в монастыре, потому что в конце концов его оставили в покое и дали ему даже расписать целую стену в одной церковке, к сожалению, скоро сгоревшей».

Неизвестно, как сложилась бы судьба молодого дарования, если б не счастливый случай. В 1891 году Святую гору посетил скульптор Владимир Беклемишев, будущий ректор Академии художеств. Один из самых востребованных ваятелей того времени, Беклемишев оказался и прекрасным педагогом, умевшим распознать талант, — среди его учеников был знаменитый Матвей Манизер. В Филиппе Малявине мэтр разглядел задатки мастера — перевез самородка в Петербург, выхлопотал стипендию, нашел жилье: «Интересный юноша был Малявин... Одаренный недюжинным, пытливым умом, он вместе с тем в жизни был совершенно ребенком. Приходилось всему учить его с азов. Надо было отучать и от всех монастырских навыков. Впрочем, первое правило монастырской жизни — полное подчинение своей воле воле старших — было у Малявина больше наружное... Обо всем и тогда уже было у него свое собственное мнение, до всего он доходил сам. Быстрое соображение помогало ему по одному намеку понимать вопрос и делать свой вывод. Все жадно его интересовало, и в особенности поражало все, что он узнавал из области науки». Беклемишев стал для

«КРЕСТЬЯНКА В КРАСНОМ ФАРТУЖЕ», 1900-01

«ТРИ БАБЫ НАД РЕКОЙ»

деревенского юноши наставником. Куприн писал: «Так однажды он умело открыл ему Рембрандта... Малявин был потрясен. Опомнившись от новизны и силы впечатления, он, однако, сказал:

— И я так смогу, если захочу.

На это Беклемишев возразил с пленительной улыбкой:

— Сделайте, дорогой мой, хоть в десять раз меньше, и мы вам в ножки поклонимся.

Только спустя год Малявин признался своему учителю-ментору:

— Да, это невозможно. Уж я лучше попробую по-своему.

Беклемишев был очень доволен».

Художница Анна Остроумова-Лебедева так описала Малявина: «Юноша в какой-то необычной одежде. Похоже на монашеский подрясник. На голове шапочка в виде скуфейки, низко надвинутая на глаза. Из-под нее висели длинные волосы до плеч. Лицо плоское, скуластое, корявое. Брови опущены к вискам. Светлые, небольшие глаза. Лицо монашка, книгоноши. Простецкое лицо...». Молодой живописец занимался в мастерской Репина в Высшем художественном училище при Академии. Талант Малявина быстро стал очевиден для студентов и преподавателей. Его одноклассник Игорь Грабарь рассказал о любопытном случае: «Однажды он принес свой ящик с красками и, подойдя ко мне, просил попозировать ему для портрета. Я только что укрепил на мольберте подрамник высокого и узкого формата с новым холстом, чтобы начать этюд с натурщика. Маля-

вин попросил у меня займы подрамник и в один сеанс нашвырял портрет, который произвел сенсацию в Академии. Портрет был закончен в один присест, и это так всех ошеломило, что на следующий день сбежались все профессора смотреть его; пришел и Репин, долго восхищавшийся силой лепки и жизненностью портрета».

Правда, путь к славе оказался не безоблачным: выпускная работа «Смех» (1899) была отклонена Советом профессоров Академии. Впрочем, уже в 1900 году картина отправилась на Всемирную парижскую выставку и получила золотую медаль. Это полотно отличали гротеск и карнавальность, решенные в бахтинском ключе. Автор обратился к теме смеха и в другом произведении — «Девка» (1903). Как отметила Валерия Мордашова, исследовательница творчества Малявина, художник показал особое, амбивалентное отношение к смеху, описанное ученым Сергеем Аверинцевым: «Смеялись в России всегда много, но смеяться в ней всегда более или менее «нельзя» — не только в силу некоего внешнего запрета со стороны того или иного начальства или же общественного мнения, но прежде всего в силу того, что, положив руку на сердце, чувствует сам смеющийся. Любое разрешение, любое «можно», касающееся смеха, остается для русского сознания не вполне убедительным. Смеяться, собственно, — нельзя; но не смеяться — сил никаких нет».

«КРЕСТЬЯНСКАЯ ДЕВУШКА (ДЕВКА)», 1910-Е

Еще одной творческой удачей Малявина стало полотно «Вихрь» (1905). Зрителей поразила не только техника, но и яркий колорит. Живописцу помог Игорь Грабарь, который вспоминал: «Зная, что я много возился с технологией красок, он просил меня дать ему какой-нибудь рецепт связующего вещества, поднимающий светосилу и интенсивность цвета — он собирался сам тереть краски. Я дал ему рецепт, главными составными частями которого были венецианский терпентин и копаловый лак, предупредив его, что успех зависит от правильности дозировки: слишком большой переизбыток терпентина может сделать краску почти несохнущей, почему его надо регулировать смолой-копалом,

расплавленным в льняном масле». Однако Филипп Андреевич столкнулся с неожиданными трудностями: «Неумеренное количество венецианского терпентина, взятое Малявиным в связующем веществе, превратило красочное тесто этой картины в массу, до сих пор не затвердевшую, в жаркие летние дни распускающуюся и даже грозящую прийти в движение. Но яркость красок, их блеск действительно изумительный, оставляя далеко позади яркость простых масляных красок». Полотном восхищался художник и критик Сергей Голоушев (Глаголь): «Вихрь» производил впечатление красивого ковра с огненно-красными, малиново-красными и сине-зелеными пятнами. Краски горят. Долго смотреть на них больно глазам, и все-таки оторваться не хочется. Что-то чарующее, влекущее к себе». Не менее восторженно отозвался и Репин: «У нас в России гениальным представителем нового вида искусства я считаю Малявина. А самой яркой картиной революционного движения в России — его «Вихрь».

В начале 1900-х Филипп Андреевич обосновался на рязанской земле: купил усадьбу, где поселился с женой, бывшей вольнослушательницей Академии художеств Наталией Новак-Савич. Семья живописца прожила здесь почти два десятилетия, пока в 1918 году имение не было национализировано. Все эти годы художник оставался верным крестьянской теме. Впрочем, в 1910-е в его творчестве появились новые тенденции. Во-первых, Малявин все чаще использовал мрачный колорит («Старик у очага», 1915). А во-вторых, изображал не только женщин, но и деревенских мужиков, причем народ на его полотнах представлял стихией, готовой смети все на своем пути. Некоторые его творения близки тревожному циклу «Расея» Бориса Григорьева.

После 1917-го Малявин создал несколько десятков набросков к портрету Ленина — по свидетель-

«ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА КА. СОМОВА», 1895

ствам, бывал в Кремле, навещал вождя революции. Закончил портрет Луначарского. Но безоговорочным сторонником нового строя не стал. Варлам Шаламов вспоминал: «Малявин поступил экстравагантно. Стал заявлять всюду, что он — незаконный сын какого-то графа или князя, но отнюдь не природный крестьянин. Такое поведение было малявинской формой протеста, выражением неприятия революции». В 1922 году художник с семьей навсегда покинул Россию. Он попытался объяснить отъезд: «Наш народ смертельно устал, обнищал, одичал и обносился до ужаса. В деревне вы не увидите мужика или бабы в сапогах. Лапти и кое-какие лохмотья на плечах — вот их обычный вид. Красных «баб» в ярких сарафанах там уже не напишешь».

За границей живописец продолжил разрабатывать крестьянскую тему, хотя картины, по мнению некоторых, лишились былой мощи. Федору Шаляпину приписывают следующие слова: «Малюет он и сейчас неплохо, да только все его сарафаны полиняли, а бабы сделались какими-то тощими, с постными лицами... Видно, его сможет освежить только воздух родных полей, и больше ничто». А итальян-

янский критик Карло Карра утверждал: «Развеявшийся неизбежный хмель уступил место правде, которая предстала во всем своем блеске. Красочные кружения отжили свой век. Внешняя их чувственность не имеет ничего общего с лирическим упоением от реальной действительности. Легкомысленная и веселая живопись Малявина и компании не вызывает в нас даже того любопытства, которое было способно заставить других перепутать Цорна с Дега. Из чего можно сделать вывод, что с 1900 года до сегодняшних дней искусство прошло большой путь. И если сегодня кто-нибудь не чувствует отсталости творчества Малявина, то он находится вне магистрального пути развития искусства».

Впрочем, художник, поселившийся в Париже, состоялся и как салонный портретист. Немало работ в этом жанре было выполнено до революции — изображения Константина Сомова (1895), Сергея Дягилева (1902). Среди моделей 1920–1930-х оказались Шаляпин, Иван Бунин, Вацлав Нижинский, принцесса Греческая и Датская Ольга, король Югославии Александр I Карагеоргиевич, балерина Александра Балашова, певица Надежда Плевицкая. Кроме того, Малявин, бывавший в Скандинавии, запечатлел шведского короля Густава V.

После начала Второй мировой художник, заподозренный в шпионаже, был арестован в Бельгии. Получив свободу, пешком отправился в Ниццу, где скончался 23 сентября 1940 года. Впрочем, блеск его картин не померк и сегодня, и это подтверждает правоту критиков начала XX века, писавших: «...Огромное малявинское полотно буквально ослепляет... Чем-то стихийным веет от этих могучих баб-богатырш, несущихся в вихре стремительной пляски. Словно сказочные героини старорусских былин, из хаоса восставшие дочери Микулы Селяниновича проносятся перед зрителем...».

Столица и усадьбы

ФОТО: АЛЕКСАНДР КУРГАНОВ

«Угол рая неподалеку от Москвы»

Виктория Пешкова

К этому месту Александр Блок был привязан всем сердцем и посвятил ему немало проникновенных строк. Нынешний год для Шахматова юбилейный вдвойне: в августе здесь в пятидесятый раз прошел День поэзии, а в сентябре отметил 35-летие историко-литературный и природный музей-заповедник А.А. Блока и Д.И. Менделеева. Впрочем, имя великого химика появилось в его названии много позже, когда в состав заповедника вошло и недалекое Боблово, где некогда располагалось имение Дмитрия Ивановича. А тогда, в 1984-м, музей начинался с небольшой экспозиции в здании бывшей земской школы соседнего села Тараканове, в старинной церкви которого Блок венчался с Любовью Дмитриевной Менделеевой. Место же, где располагалось имение деда поэта, в те поры было отмечено только мемориальным камнем-валуном. Нынче же Шахматово не только, подобно сказочной птице феникс, восстало из пепла, но живет ярко и творчески, как в былые времена.

До основанья, а затем...

Лето 1916 года стало последним, когда Александр Блок навещался в Шахматово — он приехал проститься с горячо любимыми мамушкой и тетушкой перед отправкой на фронт. Следующий сезон близкие еще смогли провести под кровом родного дома, но больше сюда уже не возвращались, напуганные бесчинствами окрестного сброда. А в 1921 году уютную, любовно обустроенную усадьбу постигла участь десятков тысяч таких же «дворянских гнезд»: она споре-

ло обладать, говоря словами Диккенса, которого мастерски переводила на русский язык бабушка поэта Елизавета Григорьевна Бекетова, «силой держать и влечь». В 1922 году Блоковская ассоциация, созданная при Государственной академии художе-

ногорской средней школы №1 (позднее ей было присвоено имя поэта), вместе со своими учениками отправился в поисковую экспедицию, чтобы отыскать место, где стоял шахматовский дом. Семен Степанович Гейченко, ангел-хранитель пушкинского заповедника в Михайловском, подал

идею установить у подножия холма памятный камень. Гранитный валун занял свое место на поляне осенью 1969 года, а следующим августом, в очередную годовщину смерти поэта, эта глыба стала эпицентром поэтического праздника. С тех пор он проводится каждый год, его гостями в разное время были Евгений Евтушенко, Константин Симонов, Павел Антакольский, Маргарита Алигер, Римма Казакова, Иракий Андроников — если перечислять всех, выйдет оглавление энциклопедии советской литературы.

К первому Дню поэзии в бывшей земской школе соседнего села Тараканова открыли фотовыставку, впоследствии ее сменила экспозиция, подготовленная Государственным литературным музеем. А в «блоковском уголке» той самой школы №1 появилось несколько предметов мебели из усадьбы. Эти тоненькие «ручейки» и стали истоком полноводной реки, какой сегодня является музей. В 1976-м — к столетию со дня рождения поэта — в Шахматове были начаты исследовательские работы. Предполагалось в течение четырех лет восстановить главный дом и флигель, часть парка, пруд и колодец, но тогда этим планам не суждено было осуществиться. Так что в 1984 году созданный музей-заповедник, по сути, мог предложить

ла дотла, вероятно, не без помощи воспрянувших к новой жизни «сеятелей и хранителей», желавших скрыть следы разора, ими учиненного. Для Александра Александровича гибель места, которое он считал своей поэтической колыбелью, стало сокрушительным ударом, ускорившим его уход из жизни. От цветущего имени не осталось камня на камне в самом буквальном смысле слова. О нем писали историки и поэты, художники и литературоведы, приезжавшие взглянуть на небеса и травы, вдохновлявшие Блока, но оно оставалось скорее легендой, чем точкой на карте.

Однако и в этой своей зыбкой ипостаси Шахматово продолжа-

ет существовать, направив сюда известного литературоведа Петра Алексеевича Журова. Он несколько раз приезжал в эти места — собирал материалы по истории усадьбы, разыскивал книги из библиотеки, хранившейся здесь. Впоследствии по его следам двинулись другие исследователи. Собранные ими сведения постепенно складывались во все более яркую и четкую картину, но над холмом, где некогда возвышался серый дом под зеленой крышей, продолжали шелестеть ветра небития. Возвращение Шахматове к жизни растянулось на десятилетия.

В сентябре 1965 года Петр Ефимович Резник, директор солнеч-

СТОЛИЦА И УСАДЬБЫ

посетителям только скромную, но с большой любовью созданную экспозицию в Тараканове и несколько экскурсионных маршрутов по окрестностям. Однако шахматовцы верили — рано или поздно блоковские лары и пенаты вернутся на свои места.

Ждать пришлось больше десяти лет — восстановительные работы начались только в 1997 году. Воспроизводилось все максимально близко к «первоисточникам»: сохранился рисунок главного дома, выполненный рукой самого Александра Александровича, фотографии, сделанные Владимиром Николаевичем Бекетовым, двоюродным братом его матери, обширная фамильная переписка, но главное — бесценные воспоминания главного «историографа» семейства — тетушки поэта Марии Андреевны Бекетовой. Речь в первую очередь идет о книге «Шахматово. Семейная хроника», увидевшей свет в 1930 году, где собрано все до мелочей — от описания обстановки до застольных традиций. Она попыталась сберечь свет того, казалось бы, навсегда утраченного мира, начав рассказ «с той поры, когда Шахматово стало достоянием семьи Бекетовых, за пять лет до появления на свет будущего поэта». Так Мария Андреевна, сама того не ведая, помогла вернуть усадьбу к жизни.

В 2000 году открылся флигель, где прошло детство Блока. На следующий год распахнул свои двери и главный дом. Сегодня музей-заповедник включает в себя возрожденное Шахматово, Тараканово и присоединенное к ним в 2011 году менделеевское Боблово. Сейчас в самом молодом филиале ведутся реставрационно-восстановительные работы, но часть экспонатов можно увидеть на выставке в таракановской школе.

«Старый дом с мезонином...»

Народная молва ведет происхождение названия усадьбы от легенды, согласно которой один из владельцев именина выиграл его у своего предшественника в шахматы. Подтверждения ей не найдено, на то она и легенда. Версия более реалистичная связывает его с неким Шахом-Ахмадом или Шиахмадом, посланником хана Тохтамыша. Но и на сей счет достоверных данных не имеется. А вот местные краеведы апеллируют к слову «шахма», которое, согласно словарю Даля, означает «след» или «колея».

Усадьбу Шахматово в 1874 году приобрел известный ученый-ботаник (вскоре он был избран ректором Санкт-Петербургского университета) Андрей Николаевич Бекетов. Он последовал примеру своего близкого друга — Дмитрия Ивановича Менделеева, обосновавшегося в здешних краях несколькими годами ранее: до его Боблово было рукой подать. Дед Александра Блока был во всех отношениях личностью выдающейся. Учившийся у Бекетова Тимирязев называл его отцом русских ботаников: Андрей Николаевич составил первый учебник по этой дисципли-

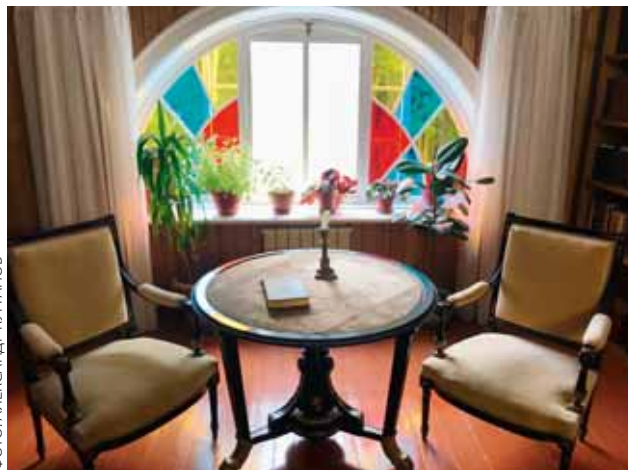

ФОТО: АЛЕКСАНДР КУРГАНОВ

ФОТО: БОРИС КАВАШКИН/ТАСС

не на русском языке, до того студентам приходилось пользоваться лишь трудами иностранных авторов. Неумолимый ректор много сил отдавал не только университету. Высшие женские курсы в Петербурге, известные под названием Бестужевских, «по всей справедливости нужно было назвать Бекетовскими». Член-корреспондент многих научных обществ, один из редакторов знаменитого словаря Брокгауза и Ефрона, автор популярных брошюр о растениях и животных, рассчитанных на неискушенного читателя. Научная и просветительская деятельность отнимала у Андрея Николаевича немало сил, восстанавливать их он отправлялся в Шахматово.

Здесь всем руководила его жена — Елизавета Григорьевна, женщина тоже в высшей степени незаурядная. В ней «поражало необычайное богатство натуры и какая-то общая даровитость, которая выражалась во всем, что она делала». В только что купленное имение она приехала первой и тут же принялась его обустроить, даже обивкой диванов и кресел занималась собственноручно. «Варенье она варила со страстью и редким прилежанием, делала это артистически и тратила на это целые дни». Елизавета Григорьевна священнодействовала над установленной в саду жаровней с тазом, в котором с утра до вечера что-то ароматно побулькивало, причем следила она за процессом, не выпуская из рук английского или французского романа.

ФОТО: АНВАР ГАЛЕЕВ/ТАСС

Плодами ее трудов потом весь год лакомились друзья и знакомые семейства Бекетовых.

Бабушка Саши Блока, помимо хозяйственных дарований, обладала еще и переводческим талантом. Она открывала соотечественникам Дюма, Брет Гарта и Жорж Санд, Теккерея и Бальзака, Голдсмита, Гюго и Вальтера Скотта, а зарубежным читателям — наших классиков. Она была знакома с Гоголем и Достоевским, Тургеневым и Салтыковым-Щедриным. Антон Павлович Чехов благодарил ее за мастерский перевод его рассказов на французский и английский языки. Елизавета Григорьевна была такой же самоотверженной труженицей, как и Андрей Николаевич, — гононрары, получаемые ею, были существенным подспорьем для семьи. Талант и трудолюбие унаследовали от родителей и четыре их дочери — Екатерина, Софья, Александра и Мария, избравшие, как и мать, литературное поприще.

В Шахматове никогда не проводили зиму, но оно не воспринималось как дача — само это слово у Бекетовых считалось пошлым. Это была исконная старорусская дворянская усадьба со своим стилем жизни, с традициями, передававшимися от старших младшим.

«И солнце золотило кудри...»

Сашуру, как называли его близкие, привезли в Шахматово в полугодичном возрасте:

*Ключом старинным дом открыли
(Ребенка внес туда старик),
И тишины не возмутили
Собачий лай и детский крик.*

На протяжении 36 лет из прожитых 40 он возвращался к этим синим далям. По мнению тетушки, первые стихи — о сером зайчике и припасенной для него на огороде капустке — были сочинены маленьким Сашей «несомненно под впечатлением Шахматова». Если верить Марии Андреевне, Блок стал тем, кем стал, во многом благодаря этому месту: «Мать, дедушка, бабушка, тетки, вся бекетовская семья с ее литературностью, идеализмом, наивным отношением к жизни, замкнутостью тогда еще крепкого семейного начала, с налетом романтизма — все это влияло на Блока с раннего детства, все это он воспринял полностью в детские, отроческие и юношеские годы. Летом собиралась в Шахматове вся семья, составляя некую сгущенную атмосферу, особенно сильно влиявшую на Блока». Ее правоту подтверждает и сам племянник:

*В туманах, над сверканьем рос,
Безжалостный, святой и мудрый,
Я в старом парке дедов рос,
И солнце золотило кудри.*

В 1909-м после смерти отца Александр Александрович получил наследство, большую часть которого он потратил на Шахматово: выкупил у Софьи Андреевны ее долю в имении и полностью предоставил его в распоряжение матери и ее младшей сестры Марии, а затем затеял ремонт дома и достроил второй этаж. В этой «башенке» на первом этаже располагалась комната его жены Любови Дмитриевны, на втором — рабочий кабинет Блока. Здесь им создано более трехсот стихотворений. Трудясь, он все окна открывал настежь, и пейзаж заполнял комнату целиком, так что стены почти не ощущались.

Комнату в мезонине, ту самую, где «...Венецианское окно, / Свет стекла — красный, желтый, синий, / Как будто так и быть должно...», Александр занимал в гимназические годы. Обустроив себе кабинет, он превратил эту комнату в библиотеку. После революции книги из нее распределили по окрестным учебным заведениям, но часть из них удалось отыскать, и теперь они хранятся в фондах музея. А на блоковских стеллажах стоят аутентики. Эта «благоуханная глушь» была бесконечно дорога сердцу поэта. До последних дней, пока болезнь не сломила его окончательно, он, по воспоминаниям Марии Андреевны, «работал над поэмой, воспроизводя картины Шахматова». В одной из статей Блок, уже зная о гибели любимого дома, писал: «Сейчас от этих родных мест, где я провел лучшие времена жизни, ничего не осталось; может быть, только старые липы шумят...» С тех пор минуло почти столетие. Благодаря таланту многих и многих людей сегодня Шахматово снова наполнено светом, поэзией и вдохновением.

ФОТО: МИХАИЛ ОЗЕРСКИЙ/РИА НОВОСТИ

Не только АНИСКИН

Николай Ирин

В актерской среде разделение на амплуа — дело понятное. Однако базовым навыком остается обаяние, так как если артист его лишен, если не располагает к себе зрителя на психофизическом уровне, то ум и высокие убеждения с нравственными качествами в этой системе координат теряют смысл: отвернемся, уйдем из зала, переключим телевизионный канал. От Михаила Жарова оторваться решительно невозможно. И пусть он играет что заблагорассудится — зрители в неизменном восторге даже спустя десятилетия.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ВПРОЧЕМ, и у Михаила Ивановича в безукоризненной его ипостаси бывали проблемы. Встречались и недоброжелатели, к которым, по крайней мере иногда, стоит прислушаться. Советские кинокритики 1940–1950-х методично громили комедийные образы Жарова, упрекая исполнителя в тиражировании нескольких фирменных приемчиков. А вдумчивый ленинградский литературовед и театровед Павел Громов, хорошо знавший актера в разнообразных ролях, в том числе на подмостках, в одной из записанных по горячим следам бесед (в 70-е) высказывался нелицеприятно: «Я Жарова очень не люблю. Он хорош, когда играет себя: равнодушен, циник... вот играл Кудряша («Гроза», 1933). Ну, он играл такой разгул «в свою пользу», от сытости». Громов слыл человеком интеллектуально честным. По-видимому, его дезориентировал, а может, даже травмировал неизменный успех актера на протяжении всей творческой жизни. Вероятно, со слов самого Жарова известна байка о том, как в 1938-м в одном из правительственных санаториев на узенькой тропке лоб в лоб столкнулись Михаил Иванович и Иосиф Виссарионович. «А ведь я Вас знаю!» — будто бы улыбнулся Сталин, наверняка видевший к тому времени и «Путевка в жизнь», и «Три товари-

ща», и «Возвращение Максима» с «Выборгской стороной», и «Петра Первого», и «Медведя». «Меня все знают», — ответил Жаров. Или ему очень хотелось так сказать, поскольку имел на то полное право.

А вот лаконичное мнение его коллеги по Малому театру Юрия Соломина: «Он был человечески очень расположен к людям». Партнерша по фильму «Старшая сестра» Наталья Тенякова акцентировала жаровскую правдивость: «С

глубин памяти яркие происшествия и сочные характеры.

«Вот был у меня случай...» — «Не подходит случай, Михал Иванович», — открещивался вначале постановщик, не подозревая, что собранная наблюдательным визави коллекция поистине колоссальна. — «Хорошо! Сейчас найдем другой!» Такой эгоцентризм не просто извиняем, но и объективно полезен. Жаров как подлинный реалист напрямую одалживался у социальной действительности, не во всем дове-

ним было трудно играть, потому что он был абсолютно органичен — вообще не умел врать. Он был как воздух, как вода. Вода — она же не врёт».

В школе, еще дореволюционной, его бабушку постоянно отчитывали: Миша то и дело строил рожицы. Став профессионалом, потом — суперпрофессионалом, наконец — живой легендой, Жаров занимался, по сути, тем же: изображал любопытные типажи, реконструировал занимательные ситуации. Актриса Татьяна Панкова отмечала: он любил помогать режиссерам в построении образа, вытаскивая из

ря волонтеризму постановщика. Отсюда — и отмеченная Теняковой честность, и восхитившее Соломина расположение к ближнему: сотрудничая с реальностью, актер в ней растворялся, он был со всеми на равных, а «цинизмом», судя по всему, выглядело его категоричское нежелание раздавать оценки людям и явлениям.

В этом смысле особенно показательна последняя роль артиста в кино — Анискина из трилогии 1960–1970-х. При всей былой популярности образа можно сказать, что он недооценен. Жаров добавляет к своему всегдашнему броневой обаянию и безотказным приемчикам нечто завораживающее: полное принятие окружающего мира со всеми взбрыками и глупо-

стями его обитателей. Он играет даже не мудрость (та предполагает хотя бы частичное превосходство ее носителя над обывателями), показывает по-детски непосредственную включенность внешне крупного, повидавшего виды, зримо дряхлеющего от серии к серии служаки в повседневные житейские хитроspлетения. Происходя-

щее не особо тянет на традиционный детектив, зато благодаря той самой эмоциональной вовлеченности обретают статус явлений жизнестроительных и жизнеутверждающих. Жаров существует в кадре так, что «презренный быт» превращается в достойное бытие.

Анискин — грандиозное свершение еще и потому, что «на старости лет» народный любимец сумел выйти на следующий виток популярности — за счет освоения новой для себя манеры, еще одного способа существования в образе. Заново изобретены и приспособлены к восторженному старику психические ритмы, а стилизованная под будничную невзрачность пластика — на деле плод продуманной и тонкой работы над собой.

Между прочим, в пантомиме Михаил Иванович был весьма изощрен. Прошел уникальную школу биомеханики под руководством самого Всеволода Мейерхольда. Молодой Жаров участвовал в знаменитых постановках «Смерть Тарелкина», «Учитель Бубус»,

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Мандат». На склоне лет забавно рассказывал в телепередаче «Театральные встречи» (становлению которой отдал много времени и сил) о том, как мейерхольдовское ноу-хау их с коллегой натурально спасло: «С Охлопковым нам биомеханика однажды очень помогла. Мы всегда говорили о Мейерхольде и о том, что он нам предлагал делать в данный период. И вот мы, однажды так споря, вдруг почувствовали, как нас окружила какая-то компания: их было четверо, они были полувывпившие и они решили в темноте Цветного бульвара к нам пристать. Охлопков моментально срежиссировал, он мне сказал: «Спина к спине — становись!», и мы, встав спиной к спине, биомеханически измузулили этих четверых до упада».

Склонность к использованию психологического рисунка, метод продуктивной вовлеченности персонажей в бытовые коллизии, а также неумная молодость все-таки

увели Жарова из уже легендарного в ту пору ГосТиМа сначала в Бакинский рабочий театр, затем — в Казанский Большой драматический, а еще позже — в так называемый Реалистический театр Москвы, образованный на основе Четвертой студии МХАТа. Жаров нигде подолгу не задерживался. С середины 1920-х, когда советское кино пережило количественное и качественное перерождение, начал регулярно сниматься. «Папиросница от Моссельпрома», «Мисс Менд», «Дон Диего и Пелагея», «Человек из ресторана», «Два-Бульди-два» — это самые популярные ленты от мастеров жанрового искусства, где он поучаствовал. Оказался заметен, выразителен, заразителен, потому шел нарасхват.

Переломным для Жарова стал 1931-й: переход к Александру Таирову в Камерный, съемка в первом отечественном звуковом фильме «Путевка в жизнь». Режиссер Николай Эрк доверил ему одну из центральных ролей. Главаря преступной шайки Фомку Жигана Жаров сыграл чрезвычайно эффектно, причем на материале трудном, даже трагическом, и это сразу принесло исполнителю статус звезды. «Муштафа дорогу строил... а Жиган его убил», — распевали потом оше-

ломленные зрители. Обаяние за передано Жаровым на высочайшем уровне еще как минимум однажды, когда он перевоплотился в Малюту Скуратова в эйзенштейновском «Иване Грозном». Государево око не знающего жалости цепного пса он изобразил без психологических полутонов, на грани гротеска, и хотя бы только этой ролью навсегда остался в истории мирового киноискусства.

Другого верного царского помощника, но уже скорее хитрого, нежели жестокого, сыграл в масштабной картине Владимира Петрова «Петр Первый». Александр Меншиков — тоже несомненная классика. «Мин герц, русский человек — ему бы только изловчиться!» — льстит персонаж начальству, обнаруживая под отчаянным подхалимажем и самоуничижени-

ФОТО: РИА НОВОСТИ

сочайшего класса. Все лучшие театральные артисты страны того времени, хоть сколько-нибудь засветившиеся на экране, рано или поздно контактировали с ним в кадре. Как будто именно Михаила Ивановича всегда не хватало для полноценной боевой единицы, если выразаться плакатным языком страны, уже всю готовившейся вступить в непримиримую схватку с нацизмом. А если с кем-то из гениев встретиться на экране в молодости не довелось, то судьба компенсировала это в годы послевоенные. Так, с коллегой по театру Мейерхольда Эрастом Гариным он снялся в картине «Каин XVIII» (1963). Руганные-переруганные критикой за индивидуальные жаровские клише комедии 1940–1950-х при ближайшем рас-

ем зачатки национального самосознания и личного достоинства. Вообще, эта актерская пара Николай Симонов — Михаил Жаров, пожалуй, более сбалансирована и лучше сыграна, нежели дуэт царь — опричник из гениального, почти безупречного «Грозного». Все-таки артистическая натура Жарова требовала для максимально удачного воплощения фактуры предельно реалистичной.

Тридцатые годы для Михаила Ивановича — период абсолютного триумфа. Почти все его работы в кино тех лет выдержали проверку временем, что уж тут говорить про отклик ошеломленных современников. Диапазон впечатляет: он играл как сомнительных с мо-

рально-этической точки зрения персонажей — вроде начальника строительства Зайцева из «Трех товарищей» или бабника-анархиста Платона Дымбы из «Возвращения Максима» и «Выборгской стороны», так и безоговорочных нравственных лидеров — следователя Ларцева из «Ошибки инженера Кочина», учителя Коваленко из экранизации «Человека в футляре». Небольшая роль студента Краевича в «Окраине» Бориса Барнета — еще один прорыв, ведь картина, подобно «Ивану Грозному», давно признана шедевром мирового кинематографа.

Любопытно, что Жарова неизменно приглашали туда, где собирался актерский состав вы-

ФОТО: РИА НОВОСТИ

смотрении демонстрируют высочайший класс. «Воздушный извозчик», «Близнецы», «Беспокойное хозяйство», «Счастливый рейс» исполнены фирменного обаяния.

Его отец был подкидышем, которого нашли у Николаевского приюта с запиской: «Назовите мальчика Иваном», а фамилию получил, как тогда было принято, от своей наставницы. Бытует версия о том, что ребенка некая актриса прижила от знатного и женатого аристократа. Отсюда, дескать, сочетание в Михаиле Жарове великолепного артистизма со статью, породой. Так

ФОТО: РИА НОВОСТИ

это или нет, не установить уже никогда. Остается добавить, что мать актера Анна Дроздова определенно происходила из крепостных крестьян Смоленской губернии и в девятилетнем возрасте осталась круглой сиротой. Получается, что наш юбиляр — плоть от плоти русского народа во всем его сословно-классовом разнообразии. Город-

ского происхождения артистизм, смешанный с аристократизмом и просоленный крепким крестьянским потом, навсегда впечатался в распаханную миру улыбку раннего Жарова и в его смиренный, обращенный уже вовнутрь прищур последних лет.

Отправляясь однажды подлечиться, Михаил Иванович оставил на рабочем столе записку для родных: «Скоро вернусь. Ничего не трогать!» Он не вернулся. Ранним утром 15 декабря 1981 года скончался в больнице. Но записка все равно была составлена правильно, по-жаровски, в полном соответствии с тем профессиональным кодексом и тем жизнестроительным принципом, которые он радостно исповедовал.

Забавы молодецкие

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Король Лев

Дмитрий ЕФАНОВ

После каждого провала нашей сборной скептики прибегают к старой формулке: «Россия — не футбольная страна». Отчасти с этим можно согласиться. Несмотря на отдельные впечатляющие успехи, мировых звезд первой величины среди полевых игроков у нас, по сути, не было даже во времена СССР. При всем уважении к Эдуарду Стрельцову и Федору Черенкову, Давиду Кипиани и Олегу Блохину, Всеволоду Боброву и Михаилу Месхи, а также многим другим кумирам болельщиков разных эпох следует признать, что до планетарной известности Пеле и Марадоны, Роналду и Месси им, в общем-то, далековато. Но все аргументы пессимистов разбиваются при упоминании Льва Яшина — лучшего вратаря в истории «спорта номер один», единственного голкипера, удостоенного «Золотого мяча», который вручают по итогам года сильнейшему футболисту Европы.

КОГДА в советском кино-прокате впервые показывали картину «Вратарь», повествующую о подвигах Антона Кандидова, маленькому Леве было семь лет. Мальчишка гонял мяч со сверстниками во дворе столичного района Богородское и о спортивной славе только мечтал. Тем не менее полученная в суровых уличных баталиях закалка регулярно выручала его много позднее в критические моменты карьеры.

«Падали, ушибались, набивали огромные синяки, но зато учились крепко держаться на ногах, не бояться высоты, владеть своим телом, — вспоминал в зрелые годы Лев Иванович. — Считаю, повышенный травматизм некоторых игроков связан с тем, что в детстве они мало бегали, прыгали, дрались, играли в футбол, катались на коньках, взбирались на деревья».

Война застала его, одиннадцатилетнего, в Подольске, где он гостил летом у родственников. В октябре 1941-го оборонное предприятие, на котором трудился глава семейства, эвакуировали в Ульяновскую область. Двенадцатый день рождения будущий вратарь встречал на разгрузке эшелона с заводскими станками.

В 1944-м, по возвращении в Москву, Лев продолжил работать на заводе и параллельно выступал за любительскую команду «Красный Октябрь» из Тушина. Судьбоносной для Яшина стала служба в армии, в одной из столичных частей, что позволяло играть за команду городского совета общества «Динамо». Там на него обратил внимание Аркадий Чернышев, который в то время курировал молодежный футбол.

В 1949-м юный голкипер официально вошел в состав клуба, но до громких титулов и званий еще было далеко. Вратарская линия «Динамо» считалась лучшей в стране, выдвинуться на первый план из-за широких спин Алексея Хомича и Вальтера Саяна мог только по-настоящему одаренный спортсмен, готовый ежедневно, самоотверженно и самозабвенно «пахать». Некоторые очевидцы утверждали: герой британского турне Хомич превосходит молодого коллегу в быстроте реакции и прыгучести. Тогда еще никто не мог предположить, что Яшин выведет вратарскую игру на новый, недостижимый доселе уровень. Лев Иванович любил шахматы, что очень помогало ему на футбольном поле: умение просчи-

тывать на несколько ходов вперед игровые ситуации, способность предугадывать действия соперников поражали болельщиков по всему миру. Советский голкипер во многом опередил свое время. Его регулярные выходы из ворот и уверенная игра ногами за пределами штрафной площадки явились настоящим откровением для нападающих, которые не успевали сообразить, как действовать против столь неординарного стража.

Полноценное международное признание пришло к нему на четвертом десятке от роду, хотя к тому моменту он выиграл множество трофеев с «Динамо», а со сборной победил на Олимпиаде-56 в Мельбурне. По-настоящему сборную СССР с ее непробиваемым вратарем оценили только в 1960 году, после успеха в первом Кубке Европы в Париже. Тогда же советский кипер удостоился восторженных эпитетов от французской прессы, называвшей его «Черной пантерой» и «Черным пауком» — за неизменный цвет свитера и способность парировать, казалось бы, не берущиеся мячи.

«Если СССР завоевал Кубок Европы, то, это, разумеется, произошло потому, что он обладает командой, которая находится в отличной спортивной форме, отличается исключительной самоотверженностью, — писал «Франс Футбол». — Но большую роль здесь сыграло и влияние одного исключительного человека. Это Лев Яшин — лучший вратарь в мире».

В еще большем восторге представители ведущего спортивного издания Франции пребывали после того, как получили одобрение на интервью с главной звездой турнира. Вопреки представлению западных журналистов о перманентной угрюмости советских спортсменов перед ними предстал открытый человек с прекрасным чувством юмора и четкими жизненными принципами. Неожиданно признался в любви к мировому кинематографу

ФОТО: ВЛАДИМИР РОДИОНОВ/РИА НОВОСТИ

ЗАБАВЫ МОЛОДЕЦКИЕ

и омарам под майонезом. Французы, ухватившись за это, сразу же забросили удочку относительно желания собеседника поиграть в элитном европейском клубе, к примеру в мадридском «Реале», на что получили вежливый, но твердый ответ.

«Без колебаний откажусь от такого предложения, — глядя прямо в глаза интервьюерам заявил Лев Иванович. — Так как не представляю себе жизни нигде, кроме родной страны. Люблю путешествовать, но всегда испытываю огромную радость, когда возвращаюсь в лоно своей семьи, в круг друзей. Жалею тех футболистов, которые из-за заработка вынуждены играть в иностранных клубах».

Близко знакомые с ним люди в один голос говорили о его привязанности к родным местам, душевном отношении к окружающим и верности клубным цветам. Даже в сборной он носил игровой свитер с литерой «Д» на груди.

«В наше время мы дружили с футболистами, делили базу, были одной большой динамовской семьей, — свидетельствовал трехкратный олимпийский чемпион по хоккею Виталий Давыдов. — Лев Иванович всегда находился на виду, казалось, его любили все без исключения. Это неудивительно, ведь он чувствовал себя комфортно в любой компании. Яшин и наш тренер Аркадий Иванович Чернышев едва ли не каждое утро отправлялись на рыбалку. Как сейчас помню, мы еще только на улице выбираемся, а они уже, радостные, с уловом назад возвращаются. К сожалению, те времена остались далеко в прошлом, да и людей такого масштаба сейчас уже нет».

Через три года после победы в Кубке Европы Яшина признали лучшим футболистом Европы и вручили «Золотой мяч» — достижение, которое ни один представитель этого амплуа до сих пор не смог повторить. Помимо выдающейся игры за «Динамо» и националь-

ФОТО: ВЯЧЕСЛАВ УН-ДА-СИН/ТАСС

ФОТО: ВИКТОР ШАНДРИН/ТАСС

ную дружину, на русского вратаря сработало выступление за сборную мира против англичан. Событие тогда приурочили к столетию британской ассоциации, неудивительно, что от желающих вживую увидеть лучших футболистов планеты не было отбоя и бетонные стены знаменитого «Уэмбли» стонали от наплыва болельщиков.

«Мы говорили на языке футбола, который во всем мире един, — рассказывал Яшин о том лондонском матче. — Едва принимал мяч, меня сразу подстраховывал бразилец Джалма Сантос, знакомый с моей манерой игры. Шнеллингер, футболист из Германии, отстранялся от соперников, двигаясь таким образом, чтобы у меня была возможность передать мяч партнеру,

который находился на выгодной позиции. Я выступал с людьми, которые были асами своего дела».

Лев Иванович умолчал об одном: главным асом был он. Лидер сильнейшего клуба мира, мадридского «Реала», Альфредо Ди Стефано, окруженный соперниками, без страха и сомнения отдавал мяч назад вратарю и, не оборачиваясь, бежал вперед, понимая, что через несколько секунд получит в ответ идеальный пас на ход. Британцы победили со счетом 2:1, но забили дважды лишь когда место в «рамке» занял югослав Милутин Шошкич.

В то время как в СССР футболисты в 34 года вешали бутсы на гвоздь или доигрывали в лигах ниже классом, Яшин вышел на

пик карьеры и еще на протяжении нескольких лет считался лучшим вратарем планеты. Вместе с командой выиграл «серебро» Евро-64, а через два года стал сотворцом нашего главного успеха на чемпионатах мира: советская сборная попала в четверку сильнейших. К тому моменту Льва Ивановича с поста первого номера начинали теснить честолюбивые дублеры, но в решающих встречах руководство доверяло важнейшую роль проверенному бойцу.

«Я защищал ворота в первом матче с Северной Кореей и в третьем — с Чили, — вспоминал дважды признававшийся лучшим голкипером СССР Анзор Кавазашвили. — Оба поединка остались за нами. Лева выступал с итальянцами и венграми. Когда тренерский штаб решал, кому играть в полуфинале с немцами, пришло указание из Москвы — поставить Яшина. Наши ни в чем не уступали. Лев играл здорово, но два мяча все-таки пропустил, и в финал прошла сборная ФРГ. Никаких обид у меня не было. С Левого сложились великолепные отношения. Он был добрым, отзывчивым человеком, хотя мог и жестко высказаться. Его слушали и уважали. Ни с кем из коллег не было антагонизма. Мы все равны — за исключением Яшина. Лев Иванович — в хорошем смысле — возвышался над всеми... Когда в 1970-м стал первым

номером сборной СССР, только тогда понял, что я не простой вратарь и его достойный преемник».

После завершения выступлений Яшин продолжил работать в футболе, занимая различные административные и тренерские должности в родном «Динамо» и сборной. Авторитет легендарного спортсмена позволял ему не теряться в коридорах власти. В основном он хлопотал за молодых ребят, помогал решать бытовые вопросы и семейным людям. Неудивительно, что его человеческие качества примерно одними и теми же словами отмечают игроки разных поколений.

«Каждое общение с ним на вес золота», — говорит заслуженный тренер страны Олег Романцев. — Вспоминается один случай. Предстоял матч против сборной мира. Мне звонит Яшин и приглашает. Говорю, как я приду, кто пропустит? Лев Иванович в ответ: «Приезжай. Выйду — встречу». Приехал на «Динамо». А там охранники — безумные ребята, спрашивают: «Вы кто? Куда идете?» Я в смех. Вижу, на стадион самого Яшина не пускают. Он мне: «А ты что смеешься, салага». Отвечаю: «Куда бы я пришел, если вас самого не пускают...» Тут он завелся немного. Подошел один из динамовских руководителей, и нас, конечно же, пропустили.

Уже тогда Лев Яшин испытывал серьезные проблемы со здоровьем, хотя как сильный духом человек старался не подавать виду. Многие связывают это с вредной привычкой: он курил с юных лет и много.

«В 1979 году сборная СССР приехала в Италию, на знаменитую базу Коверчано, где в то время часто готовилась, — продолжает Романцев. — Я тогда не курил, в отличие от некоторых ребят. Когда весь запас сигарет иссяк, а командировочные еще не выдали, парни отправили меня к Яшину. Он отлично знал, что я не из курильщиков, поэтому после изложенной просьбы внимательно на меня посмотрел, вынул пачку «Явы» и воскликнул: «Это на всю команду! И до конца сбора».

На его долю выпали суровые испытания: инфаркты, инсульт, онкозаболевание. В конечном итоге ампутировали ногу. Но до последних дней жизни он оставался открытым к любым просьбам, не жаловался на невзгоды, продолжал служить на благо любимого вида спорта. Льва Ивановича не стало 20 марта 1990 года. Двумя днями ранее ему присвоили звание Героя Социалистического Труда.

В последнее время кинематографисты все чаще обращаются к образам спортивных кумиров. Не могли обойти вниманием и фигуру лучшего вратаря в истории футбола. В дни чемпионата мира в России вышел документальный фильм «Лев Яшин № 1», а в октябре на широких экранах состоится премьера полнометражной картины «Лев Яшин. Вратарь моей мечты». Имя легендарного динамовца увековечено и в названии нового клубного стадиона, под сводами которого на каждом матче гремит: «Только Яшин! Только «Динамо»!...»

ФОТО: ВЯЧЕСЛАВ ПРОКОФЬЕВ/ТАСС

Трапезная

Я. РОМБАУЕР. «ПОРТРЕТ ДА. ГУРЬЕВА». 1818

Едим по-графски

Максим Сырников

Это кушанье выделяли среди прочих российские императоры и великие князья. Его заказывали в трактирах и ресторанах представители знати, купечества, просто состоятельные люди, любившие вкусно поесть и предпочитавшие национальную кухню.

Споры о происхождении гурьевской каши ведутся до сих пор, и вряд ли когда-либо будет совершенно точно установлено, кто ее придумал. Не вызывает сомнения то, что свое название знаменитое блюдо получило в честь видного государственного деятеля начала XIX века графа Дмитрия Александровича Гурьева. Рецептов приготовления этой во многих смыслах непростой слоеной каши немало, но важен принцип: строгая последовательность действий и необходимость использования пенек, образующихся при топлении натуральных сливок.

Гурьевская каша

На 4–6 порций:

- # 2 л свежих сливок жирностью 20 процентов
- # ½ стакана манной крупы
- # 2 ст. л. сахара
- # 1 стручок ванили
- # Соль
- # Сливочное масло для смазывания

Для прослоек и украшения:

- # Фрукты (виноград, абрикосы, персики, ананас, киви, яблоки, груши)
- # ½ стакана сахара
- # ½ стакана миндаля

ЗАМОЧЕННЫЙ в кипятке, очищенный и порубленный миндаль, нарезанные кусочками фрукты сложим в подогретую кастрюлю с толстым дном. Добавим туда сахар, смоченный в двух столовых ложках воды. Поставим на слабый огонь на 10 мин.

Разрежем вдоль пополам стручок ванили. Одну треть припасенных сливок вольем в чугунок. Кончиком ножа выскребем из стручка ванили семена и положим их в сливки, туда же кинем стручок. Доведем до кипения и, убавив огонь до минимального, будем варить 10 минут.

В кипящие сливки бросим манку, соль, сахар, перемешаем их и сварим за 3–4 минуты манную кашу. Затем чугунок снимем с плиты, закроем крышкой, завернем в одеяло и оставим преть, пока готовятся пенки.

В эмалированный сотейник с высокими бортами либо толстенную глубокую форму вольем для запекания оставшиеся сливки. Поставим в разогретую до 140–150° духовку (режим конвекции необходимо выключить, иначе циркулирующий воздух не даст образоваться пенкам). Когда на поверхности образуется крепкая светло-коричневая пенка, аккуратно снимем ее шумовкой и положим на смазанную маслом сковородку или в форму для запекания — теперь надо дожидаться появления

ФОТОГРАФИИ: PHOTOPRESS

следующей пенки. Этот процесс занимает порядка 1 ч.

Слои будем формировать в следующей последовательности: 2–3 пенки, манная каша, фрукты, затем снова пенки, каша и так далее. Гурьевскую кашу станем «собирать» по мере образования пенок, а не тогда, когда все они будут готовы (есть риск того, что слипнутся в единую массу). Завершим «сборку» последним слоем пенок, украшенным фруктами и орехами. Блюдо подадим к столу теплым или остывшим.

Ф. МАЛЯВИН. «СМЕЮЩАЯСЯ БАБА»

Своей

ОКТАБРЬ 2019

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Нарциссы